

6+

В.В. Соколов

**НОЧИ В ШКУРЕ
ПЕРВОБЫТНОГО ЛЬВА**

В.В. Соколов
29.06.1914

Валерий Соколов

Ночи в шкуре первобытного льва

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Соколов В. В.

Ночи в шкуре первобытного льва / В. В. Соколов — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Эта книга рассказывает о трудной, порой жестокой жизни первобытных людей-охотников и хищных животных в далекую эпоху межледниковья, их борьбе между собой за первенство в биологической цепи и даже об удивительной дружбе и преданности между ними.

Повелитель базальтовой гряды

Он родился в дождливую ночь. Шершавый язык заботливой матери возвестил ему о начале его жизни.

Котёнок был крупным, выделялся более яркой окраской пятен на жёлтых боках от своего младшего собрата. Первые дни пребывания его в этом мире были особенно трудными: каждое продвижение вперёд требовало от слепого малыша большого напряжения крохотных сил. Цепляясь коготками передних лап и отталкиваясь задними, он медленно продвигался на тёплом животе, окружённый со всех сторон теплотой и лаской. Когда малыш умудрялся доползти до пределов жилища, терпеливая мамаша брала его осторожно клыками за холку и возвращала в глубь пещеры.

День ото дня котёнок крепчал, становился более подвижным. И вот настал день долгожданного знакомства с миром, окружавшим его. К знакомому и так необходимому для жизни запаху своей матери, запахам окружавших его неизвестных предметов, добавилось нечто не менее важное – возможность всё это видеть своими крохотными глазами. То, что согревало его в ненастные холодные ночи и кормило, оказалось чем-то очень большим на четырёх лапах с мощным упругим телом и коротко посаженной крупной мордой с зелёными глазами, внимательно следящими за каждым движением малыша. У детёныша не было опасения и страха перед этим живым подвижным предметом. Он знал, что это его мать.

Всё лето малыш провёл рядом с матерью, покидавшей логово исключительно редко. К осени он значительно подрос и немного приосанился. На прогулках среди нагромождений базальтовых глыб и валунов, и в окрестном лесу, он и его кровный собрат, величаво подражая взрослому животному, следовали за своей матерью. При малейшем гортанном рыке мамыши, звучащем настойчиво и призывно, детёныши быстро приближались к ней, останавливались и, так же как и мать, втягивали прохладный осенний воздух ещё розовой мочкой носа.

Иногда ночью малыш вздрагивал от оглушительного рёва у входа в пещеру, стойкий запах какого-то неизвестного существа ударял ему в ноздри. Страх от ночного рёва был недолгим, так как запах ночного пришельца напоминал запах матери, которая сдержанно отвечала незнакомцу коротким рыком, медленно поднималась и исчезала в тёмной дыре выхода из пещеры, унося с собой тепло своего тела.

Время шло, и, наконец, львица-мать решила познакомить подросших малышей с тем, кто охранял их покой и приносил им добычу. Лев-отец вошёл под своды пещеры ясным солнечным днём. Малыши, забавлявшиеся игрой, отпрянули к матери, но, почувствовав знакомый запах, успокоились и потянулись один за другим к взрослому льву. Пещерный лев стоял в величественной позе. Морда его была чуть повернута набок, большие жёлтые глаза с любопытством смотрели на львят. Когда последние придвинулись к нему, он внимательно обнюхал их и издал кроткий рык. С тех самых пор все члены львиного семейства были вместе.

Прошёл год, за ним другой. Львята превратились в молодых львов с массивными головами, мощным торсом и грудью. Кое-где на шее, морде стал пробиваться пушок будущей густой и тёмной гривы. Они научились охотиться на молодых большерогих оленей, косулей, бородавочников, живших у подножия базальтовой гряды в долине. Несколько раз они принимали участие в охоте на бизона. Мать-львица и молодая поросль гнали одинокое травоядное по направлению к зарослям огромного тростника близ одного из небольших озёр, что находилось недалеко от базальтовых отрогов.

Загнанное животное, поравнявшись с зарослями, становилось лёгкой добычей льва-великана, молнией обрушивавшегося всей своей тяжестью на круп быка.

Отец – лев пожирал свою добычу вне логова. Только бизона семья львов, как наиболее тяжёлого из травоядных, входящих в рацион, пожирала на месте охоты. Первым насыщался глава семейства и после того, как туша быка убывала на одну четверть, к трапезе допускались мать львица и молодые, подрастающие львы...

На четвёртый год жизни семьи произошло событие, предопределившее дальнейшую судьбу молодых львов.

Возвращаясь однажды после дневной охоты дождливым осенним вечером к пещере, львы услышали из её глубины глухое недружелюбное рычание. Навстречу им вышел глава семейства. Вид у него был угрожающим, большие круглые глаза смотрели в сторону своих отпрысков, пасть была полуоткрыта. Сзади него слышалось грозное тревожное рычание львицы. Молодые львы, глухо рыча, попятились назад, затем круто повернулись и, изредка оглядываясь на хозяйина родной пещеры, пошли вдоль склона базальтовой гряды.

Несколько месяцев они скитались под открытым небом, принимая на себя все невзгоды дикой природы.

Самостоятельно охотиться оказалось значительно сложнее: нужна была хитрость, сила и выносливость взрослого хищника. За последние несколько дней только дважды охота увенчалась успехом: добычей стали две молодые косули, застигнутые врасплох тёмной ночью.

И вот, однажды, недалеко от подножия каменных глыб базальта в редколесье при сумеречном свете взошедшей луны львы увидели незнакомое косматое животное. Осторожно, мягко ступая крадущейся кошачьей походкой, львы приблизились к зверю. Разглядывая его из засады, они были поражены размерами животного: длинное вытянутое массивное туловище, короткие толстые ноги, большая лохматая морда с посаженными на ней острыми рогами. Ветер, дувший со стороны неизвестного зверя, сообщил молодым хищникам, что перед ними травоядное животное. Не ведая опасности, они оба открыли себя и с громогласным рыком кинулись на гиганта. Носорог, стоявший чуть боком к нападавшим, развернулся в их сторону, опустил вниз свою морду с её страшным оружием и качнулся всем своим телом вперёд навстречу неопытным охотникам. Первый из нападавших львов, оступившись при прыжке, угодил не на круп животного, а опустился прямо у ног исполина. Огромная лохматая голова колосса сделала крутой поворот и разогнулась с невероятной силой. Молодой хищник взмыл вверх и, падая, попал под ноги носорогу. То, что произошло в следующее мгновение, нельзя было даже назвать схваткой. Незадачливый охотник был растоптан в мгновение ока. Не успевший совершить свой прыжок, второй молодой пещерник вынужден был отступить назад. В его больших жёлтых глазах светилась кровная злоба к носорогу и страх перед травоядным животным. Став свидетелем смерти своего сородича, молодой лев к чувству безрассудной храбрости добавил очень важное качество – чувство осторожности. Носорог же, в свою очередь, не заставил себя долго ждать и ринулся вперёд на ещё одного зримого врага, управляемый слепой яростью своих маленьких красно-красного цвета глаз. Пещерный лев отпрянул в сторону, и огромная грудa живого мяса, сметая на своём пути мелкий кустарник, растворилась в свете луны. Спустя несколько мгновений вновь показалась надвигающаяся лавина тела носорога. Большая кошка вновь успела отскочить, пропуская врага вперёд. И тут произошло что-то непредвиденное – носорог куда-то провалился. Послышался треск ломаемых костей и хриплый рёв могучего зверя. Лев осторожно подошёл к тому месту, где исчез носорог, и с любопытством заглянул в огромную яму. На дне её лежал неустрашимый гигант с поломанными костями. Тело его ещё возбуждённо дышало, увлечённое погоней, но маленькие злобные глаза слезились, предчувствуя скорую смерть их хозяина. Хищник неторопливо обнюхал кромку ямы и ясно различил незнакомые запахи каких-то существ. Инстинкт осторожности, приобретённый им во время неудачной атаки носорога, заставил пещерного льва развернуться и направиться к двум большим валунам, находившимся на расстоянии нескольких сот метров от ямы.

Ночь не вызывала большого беспокойства в львином сердце. Лишь изредка, сквозь сон, большой хищник слышал заунывный вой волчьей стаи, рыскавшей где-то далеко на равнине, мяуканье тигра, громовой рёв махайрода, да встревоженные крики травоядных, преследуемых голодными четвероногими охотниками. Утром хищника подняли из-под его ночного укрытия непонятные громкие звуки. Потянувшись всем своим могучим кошачьим торсом и зевнув,

он предстал во всей красе в ярких лучах осеннего холодного солнца. Там, вдалеке, где были ямы, копошились и сновали в разные стороны, издавая при этом непонятные звуки, неизвестные ему двуногие существа. По запаху, доносившемуся до него от ямы, лев определил, что запах этих двуногих есть не что иное, как запах крошки ямы. Набрав полные лёгкие воздуха, пещерник издал мощный рык. Люди у ямы замерли, повернулись в сторону валунов и что-то стали выкрикивать, угрожающе жестикулируя. Лев видел, что в своих передних лапах они держали какие-то непонятные предметы, вселяющие в звериную душу смутное чувство опасности. Потом наступило затишье и один из племени двуногих издал особенно громкий звук:

–Смотрите, какой огромный гривастый!

Лев предостерегающе зарычал и скрылся в лесной чаще, которая находилась за местом его ночлега в нескольких десятках шагов.

Здесь было достаточно дичи: косули, бородавочники, олени, бизоны. Встречались иногда и вовсе незнакомые травоядные, вкус которых молодой лев уже успел познать. Иногда, выходя на равнину, он видел двуногих существ, которые значительное время, особенно при свете сумерек, проводили возле огня – самого ужасного и кровожадного из всех зверей, знакомых пещернику. Если первобытным охотникам племени людского удавалось заметить большого льва, то, как и в первый раз, двуногие издавали уже знакомый ему звук, означавший на их языке «огромный гривастый».

Наступили холода. Хищник всё больше и больше думал о надёжном укрытии. В его памяти сохранились воспоминания о тех днях, когда их львиное семейство вместе обитало под сводами одной просторной пещеры. Инстинкт гнал пещерного льва к покинутому подножию базальтовой гряды.

В поисках пещеры «гривастый» провёл множество дней. И вот однажды удача улыбнулась ему. На одном из ярусов каменных отрогов он обнаружил небольшую площадку, имеющую своё продолжение в грязной глубокой дыре под сводами базальта. Приблизившись к проходу обнаруженной пещеры, «гривастый» чутким своим обонянием определил, что она принадлежит крупному хищнику кошачьей породы. Судя по тому, что из укрытия не последовало никакого угрожающего рычания, то пещера должна была быть пуста. Большой лев нерешительно, украдкой, вошёл под своды базальтовых глыб, поудобнее расположился, расчистив под собой место от выбеленных костей останков животных и задремал. Сон его был тревожен: резкий едкий запах хозяина пещеры держал его в постоянном напряжении, напоминая ему о скором возвращении последнего.

Ожидание было недолгим, и вскоре сон пещерника был нарушен зловещим рычанием у входа в пещеру. Лев поднялся и размеренной поступью направился навстречу вызову. Прямо перед входом в пещеру «гривастый» увидел коренастого низкорослого зверя красной масти. Пасть его была открыта и обнажала огромные саблевидные клыки. Злобный взгляд хозяина пещеры, уверенность с которой он держался с соперником, значительно превосходящим его размерами и также хорошо вооружённым, выдавали в нём смертельного врага, наделённого дикой природной силой. Лев-великан по достоинству оценил возможности противника и приготовился к схватке, приведя в боевую готовность свои могучие мышцы. Взбешённый спокойствием и молчанием самозванца, занявшего его пещеру, махайрод первым кинулся в атаку, намереваясь вцепиться в горло своему врагу, но промахнулся и в ответ получил такую трёпку, после которой был вынужден, глухо рыча, нехотя удалиться. Пещера осталась за «гривастым». Лев царственно поднял к небесам свою морду и издал победный рык, возвестив всех окрестных обитателей базальтовой гряды и долины о том, что у пещеры отныне будет новый хозяин.

Много лет и зим провёл «гривастый» под сводами своей пещеры. Все окрестные обитатели хорошо знали большого льва, превратившегося за эти годы в зрелую особь своей породы. «Гривастый» был теперь уже не просто «гривастым», а полноправным повелителем гряды, её отрогов и безбрежной долины с её многочисленными травоядными.

Изо всех обитателей равнины единственными, на кого не наводил животный страх пещерный лев, были носороги и мамонты. Эти исполины были олицетворением природной силы. Большой лев никогда не становился на их пути, но и те в свою очередь, опасаясь единоборств с грозным повелителем базальтовых отрогов, старались не ходить его охотничьими тропами. Все хищники, в том числе тигры и жёлтые львы, знакомые с едким запахом гиганта, избегали встреч с пещерником, огибая его охотничьи владения. Эти представители семейства кошачьих вызывали у большого льва больше любопытства и снисхождение, чем раздражение. Хищника удивляло их сходство с ним.

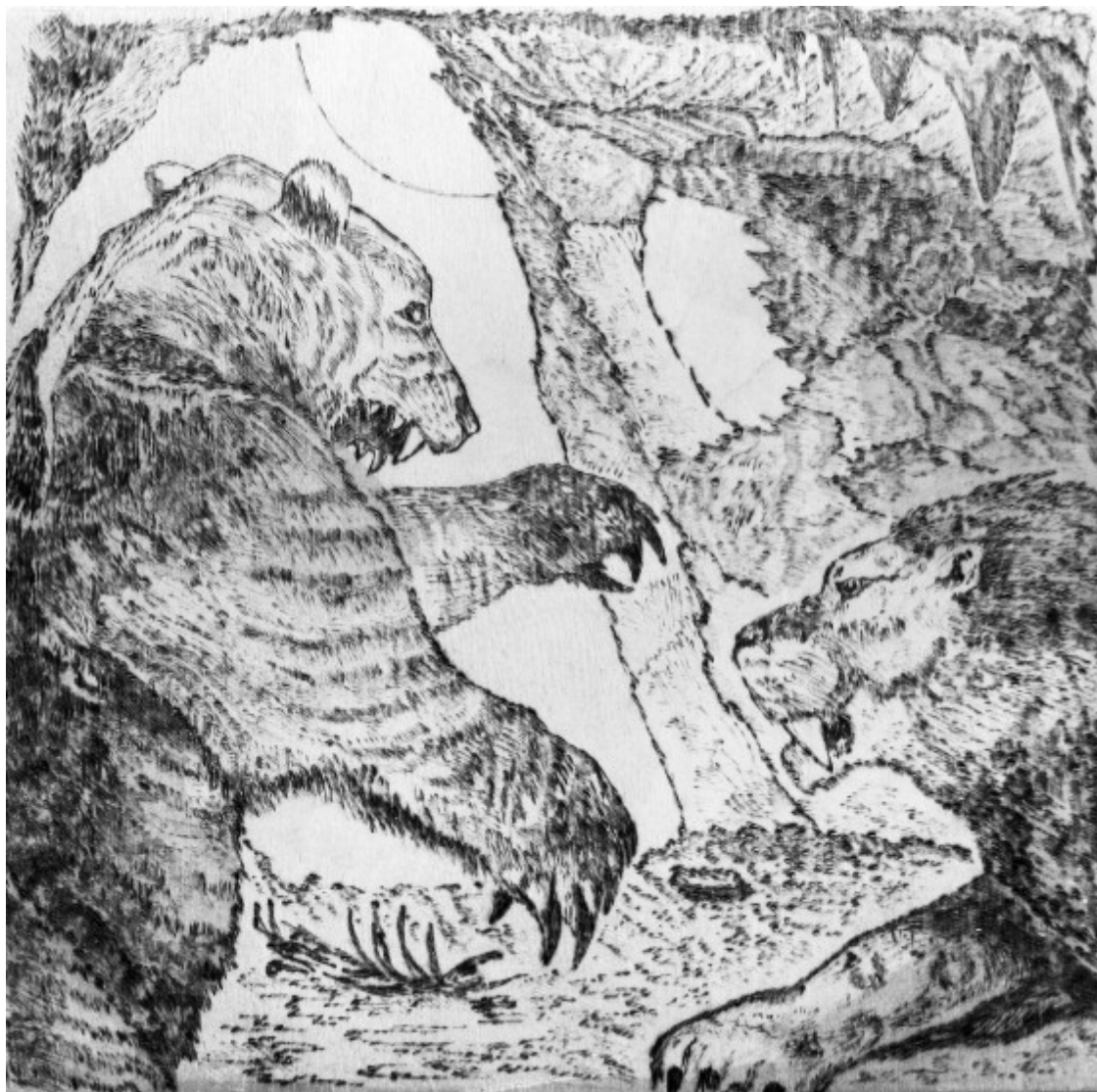
Однажды, находясь у края равнины перед бесконечной цепью камней и громоздких скальных уступов своих владений, лев почувствовал незнакомый запах неизвестного существа. Вслед за этим он обнаружил и следы зверя. Следы эти были непомерно велики и превосходили отпечатки лап хозяина чёрной гряды почти в полтора раза. Расположение отпечатков подсказало ему о том, что незнакомый пришелец поднялся здесь на первые уступы базальта и скрылся за каменными валунами, петляя узкими тропами. Пещерный лев был раздражён непрошеным вторжением в его владения и двинулся по следу животного. Острое обоняние хищника позволило ему узнать, что он идёт по следу огромного медведя. Огибая выступы глыб, большая кошка долгое время шла по свежему следу пришельца, пока след вновь не вывел льва на безбрежное пространство зелёной равнины. Где-то далеко впереди, среди редких деревьев в высокой траве, царственный хищник с трудом различал удаляющийся силуэт косолапого исполина.

С тех пор прошло много дней, прежде чем повелитель базальтовой гряды вновь, теперь уже нос к носу, не повстречался с большим бурым медведем на равнине. Бурый исполин стоял на охотничьей тропе льва, склонившись над безжизненным телом убитого им бизона. Встреча эта была столь неожиданной для обоих, что оба они застыли на месте, пристально разглядывая друг друга. Немного спустя, медведь глухо заворчал, попятился задом от туши и, сойдя с тропы, вразвалку поплёлся прочь от места встречи с хозяином здешних мест. После этого случая встречи двух животных участились. Пещерный лев не мог понять, откуда здесь взялся этот могучий зверь, ведь ранее он не встречал этого медведя в пределах своих охотничьих владений. Правда раньше ему доводилось встречать медведей, многие из них становились лёгкой добычей большого льва, но этот, в отличие от тех, был настолько велик, что видеть в нём добычу было бы непростительной глупостью для опытного охотника. Лев не мог знать, что медведя в предгорье его базальта подсознательно возвращал раз за разом инстинкт жителя гор. Прошло полгода с тех пор, как пещерный медведь после ожесточённого боя был вынужден уступить своё жилище вместе с владениями на другой стороне бесконечной каменной цепи племени свирепых двуногих существ. В этой памятной кровавой схватке погибло много двуногих и его подруга. Первобытные люди прозвали пещерного медведя ужасным То-То. Преследуемый людьми, лишённый крова родной пещеры, своей подруги, он в поисках лучшей доли пересёк отроги горного хребта и очутился с его противоположной стороны. Здесь он тщательно обследовал каждый угол, но не найдя для себя подходящего укрытия, был вынужден уйти вглубь равнины, точнее в один из её многочисленных перелесков. Гонимый инстинктом, медведь вновь и вновь возвращался к горной гряде. И, наконец, настал день, когда увидев пещерного льва, существо ранее виденное им по ту сторону каменного хребта, косолапый гигант решился на последний шаг – обнаружить жилище хищника и, одолев в смертельной схватке опасного врага, завладеть им.

Большой То-То, тяжело ступая, медленно поднимался по крутому склону к большой чёрной дыре в одной из каменных скал, открывавшей вход в пещеру. Не дойдя нескольких шагов до входа в пещеру, медведь остановился, вытянул вперёд свою огромную косматую морду и с шумом втянул незнакомые запахи, исходившие из чёрной дыры. Густой и спёртый воздух окутал ноздри и лёгкие зверя. Запах этот был настолько хорошо знаком То-То, что он от растерянности застыл на некоторое время в том положении, в котором начал своё знакомство с

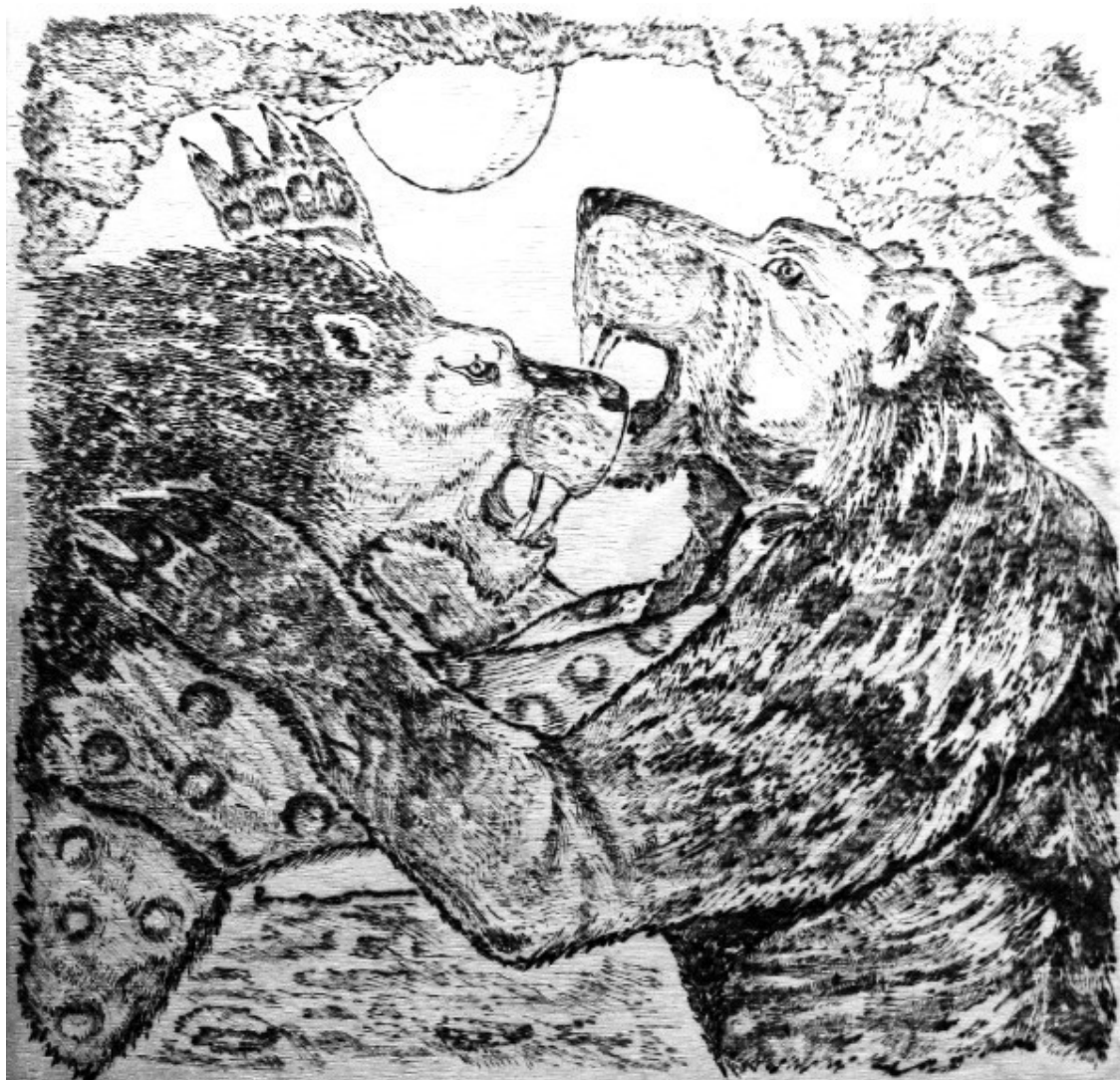
чёрной дырой, служившей пещерному льву надёжным укрытием в ненастье. Спустя несколько мгновений гряда мускулов бурого великана начала двигаться в обратном направлении – вниз с площадки перед пещерой, но, устыдившись своей уступчивости, он глухо заворчал, опустил вниз морду и направился в пещеру.

Шорох какого-то грузного передвигающегося тела прервал послеобеденную дремоту пещерного льва. Он приподнял с могучих лап, обросшую косматой гривой, морду и, застыв в настороженной позе, устремил взгляд своих круглых янтарных глаз к выходу из пещеры.

Пещерный медведь, грузно шагая, раздражённо ворча, дошёл до конца коридора в пещере, остановился, ещё раз всё тщательно обнюхал и, сметая оглоданные кости животных, завернул вправо, проникнув тем самым в логово пещерника. Лев уже стоял на четырёх лапах с высоко поднятой мордой и полуоткрытой пастью. Его короткий с кисточкой хвост нервно обстукивал бока. Медведь сбавил шаг и остановился в нескольких шагах от хозяина пещеры. Лев угрожающе зарычал, сотрясая своды своего каменного жилища, и обнажил грозное оружие – огромные клыки верхней челюсти. Чудовищные мышцы царственного хищника напряглись в ожидании предстоящей схватки, мощная грудь его начала вздыматься, словно меха. Косолапый стоял перед хозяином необъятной мрачной глыбой в позе извиняющегося с опущенной к низу мордой, но с решимостью в красных от прихлынувшей крови глазах, злобно исподлобья гля-

девших на пещерника. В этих глазах большой лев прочёл лишь одно: могучий медведь пришёл к нему в логово, гонимый необузданным желанием завладеть пещерой во что бы то ни стало.

То-То был твёрдо уверен в том, что на этот раз он не отступится, как в предыдущий, когда был вынужден оставить повелителю базальта тушу бизона, не отступится даже в том случае, если он больше никогда с высоты горных отрогов не увидит зелёную долину, искрящуюся озёрами и серебряными струйками рек, огибающих бескрайние лесные просторы с населяющими их дикими животными и коварными двуногим существами. Пещерный лев первым сделал шаг вперёд, пригнулся и прыгнул, не издав боевого рыка. Чудовищный рост косолапого гиганта не позволил подняться ему на задние лапы под своды пещеры. Атаку льва он встретил стоя на четырёх лапах. Большой лев был ниже медведя и пытался сбоку напасть на непрошеного гостя, но его прыжок был упреждён размашистым ударом массивной, как ствол дуба, медвежьей лапы. Удар пришёлся на череп зверя. Второй удар медвежьей лапы разрезал пустоту пещеры: льву удалось удержать равновесие и избежать удара. Тяжело дыша, враги стояли на некотором расстоянии друг от друга. Хозяин пещеры находился в худшем положении. Он стоял, пошатываясь, морда у него была окровавлена и только яростный блеск холодных глаз говорил медведю, что враг ещё не побеждён. Пещера была довольно узкой, и это обстоятельство давало преимущество бурому самозванцу, а не её хозяину. Пещерный медведь стал уверенно надвигаться на льва. Взметнувшись по кривой дуге, тело гигантской кошки врезалось в

огромную бурую массу самозванца. Тёмное тело в жёлтых пятнах утонуло в густой медвежьей шерсти, послышался лязг и скрежет клыков гигантов, царапанье когтей, задыхающийся рык льва и надрывный рёв медведя.

Льву удалось вцепиться в горло своему врагу. Медведь же, истекая кровью, из последних сил подмял под себя льва, ломая ему кости. Спустя некоторое время в пещере всё стихло..., и вновь послышалась непонятная возня, сопровождаемая предсмертными стонами раненого зверя.

В проёме между сводами базальта, ведущим в пещеру, показалась пошатывающаяся из стороны в сторону фигура пещерного медведя. Шкура его отливала блеском своей и чужой крови. Медведь был слеп: там, где были глаза, осталось одно окровавленное месиво. Выйдя из пещеры и издав страшный рёв боли и досады за неудачу в смертельной схватке, он стал медленно валиться мордой вперёд, оседая на передние лапы. По всему было видно, что бурый исполин издыхал. На горле его среди включенной лоскутами шерсти виднелась страшная рваная рана, полученная им в бою со львом-великаном.

Шум в пещере, рычание зверей привлекли к себе внимание пернатых пожирателей падали, гиен и шакалов. Стервятники мерно кружили над огромной безжизненной тушей медведя, не опускаясь очень близко к поверхности земли, опасаясь гиен и шакалов, торопливой поступью спешивших к ещё тёплому трупу косматого зверя.

Своё приближение они оглашали омерзительным диким хохотом и лаем. Преодолев подъём к площадке уступа, четвероногие с двух сторон стали медленно с боязнью обступать безжизненное тело гиганта.

Шакалы не стали искушать судьбу, уступив право насытиться первыми свои желудки гиенам. Сев на задние лапы напротив убывающей на их глазах медвежьей туши, облизываясь и повизгивая, они начали дожидаться своей заслуженной очереди. Вдруг один из них поднялся. Повернулся мордой к пещере, чуть приблизился к ней, жадно втянул носом запах, исходивший из-под её сводов, и осторожно затрусил к чёрной дыре.

Двое особей его породы также последовали за ним. Другие шакалы, наострив уши, повернули головы в сторону трёх первых и непрерывно следили за их продвижением в пещеру. Только гиены оставались безучастными ко всему происходящему... Мягкая поступь шакалов растаяла во мраке чёрной бездны пещеры, и спустя несколько мгновений раздался громогласный рык повелителя базальтовых отрогов и предсмертный вой одного из шакалов. Гиены прекратили своё омерзительное пиршество и резко отпрянули в сторону от трупа косолапого. Шакалы, напуганные таким неожиданным поворотом событий, стремглав ринулись наутёк вниз с уступа к цветущей долине. В чёрной дыре послышалось непонятное движение и спустя какое-то время под каменным навесом, ведущим в коридор пещеры, показалась огромная гривастая морда пещерника. Гиены струхнули и, поджав хвосты, попятились к краю уступа, но после остановились, увидев, что пещерный лев как-то неестественно продвигается вперёд. Лев действительно двигался очень медленно – только при помощи мощных передних лап. Брюхо и задние лапы его волочились по земле. Прикладывая невероятные усилия, хищник дополз до истерзанного гиенами трупа пещерного медведя, хрипло зарычал, с трудом обнажая свою страшную пасть, и угрожающе повернул её в сторону гиен. Пожиратели падали оскалились в свою очередь, но не единого звука не издали. Лев ещё немного продвинулся вперёд, усилием дикой воли некогда могучих мышц уродливо приподнялся на перебитых задних конечностях, задрал вверх массивную морду и из последних сил выдавил из себя мощно ужасный рык в зелёную долину... Всё живое замерло внизу, слушая прощальный глас повелителя базальтовой гряды. Потом послышался трубный рёв могучих мамонтов, гулкий грохот копыт удаляющегося стада оленей.

Глаза пещерника тускнели, смятый круп и перебитые лапы тянули к земле, но он старался поддерживать царственную осанку, преисполненный гордого достоинства тем, что отстоял своё

жилище в схватке с гигантским медведем. Вдруг сверху над ним раздался знакомый рык, тот самый, который он в последний раз слышал в исполнении своего кровного собрата в далёкой неудачной атаке носорога. Задрал морду чуть влево, большой лев увидел сквозь мертвенный отблеск своих глаз молодую чету пещерников. Его окровавленная морда изобразила жалкое подобие улыбки, в гаснущих глазах вспыхнула последний раз искра звериной радости при встрече с себе подобными, и он рухнул на краю уступа всей тяжестью некогда могучего тела, уступая паре больших львов право наследства его пещеры.

Убегая от чёрного льва или узник каменного мешка

Человек бросил копьё в чёрного льва, но промахнулся. Длинный, неровный предмет с заточенным, как бритва, наконечником со свистом рассёк снежную пелену под лапами могучего зверя и навсегда исчез для своего хозяина в холодном белом покрывале. У человека при себе остался только каменный топор, да костяной нож для разделки туш добываемых на охоте животных. Положив правую руку на поясницу и нащупав на тёплой меховой одежде подпоясанный топор, первобытный охотник начал отступать от места неожиданной встречи с большой косматой кошкой чёрной масти. Не сводя пристального взгляда с хищника, человек шаг за шагом продвигался назад спиной, как можно было дальше ото льва, слыша только скрип снежного наста под стопами своих ног и монотонную частую песнь насмерть испуганного сердца. Большой хищник невозмутимо стоял на том самом месте, где ему всего за несколько мгновений до встречи со странным существом неведомой породы удалось одержать трудную победу над одиноким матёрым зубром. Брошенное охотником копьё не дало зверю возможности вдоволь утолить жажду горячей кровью добычи и вывело его из состояния самодовольного торжества по поводу удачной охоты. Лев не издал не единого звука, не сделал ни одного движения в сторону двуногого существа, облачённого в шкуры различных животных. Он только с ног до головы разглядывал своим беспристрастным каменным взглядом больших жёлтых глаз двуногого зверя неизвестной ему породы. Человек был сильно перепуган и разочарован тем, что неудачно бросил копьё в большую кошку, лишив себя тем самым возможного почётного для молодого охотника трофея и его крупной добычи. Теперь же человек был вынужден отступать под пристальным взглядом хищника, прекрасно осознавая, что сейчас добычей вполне может стать он сам, так как попытка поразить хищника возле добытой им добычи окончилась полным провалом.

Кроме всего прочего он, человек, лишился своего главного охотничьего орудия – крепкого тяжёлого копья. Если чёрный лев пойдёт в атаку, то очень трудно будет противопоставить ему в схватке топор и костяной нож в придачу. Между тем, львиное сердце потихоньку начинало kloкотать всё больше и больше, обуреваемое просыпающимся подсознанием того, что его – крупного хищника из семейства кошачьих, чуть ли не единственного четырёхлапого охотника в здешних местах, хотели лишить не только добычи, но и самой жизни. Лев вздрогнул всем своим могучим торсом, поднял вверх лохматую морду и издал оглушительный рык, сотрясая морозный зимний воздух. Человек при этом звуке сделал ещё один шаг назад, задел пяткой заснеженную сухую ветку, откликнувшуюся громким хрустом, споткнулся и упал спиной навзничь. Для большого льва неожиданное падение первобытного человека послужило проявлением его слабости, и крупный кот молниеносно перешёл в атаку. Первый прыжок зверя с последовавшим приземлением пришёлся не на твёрдый наст, припорошённый снегом, а на рыхлую снежную массу. Лев по грудь погрузился в холодную белую перину. Его наступательный порыв был на время приостановлен рельефом почвы, скрытой снегом. Одетое в шкуры животных, существо быстро пришло в себя. Лев увидел, как в момент его кратковременного замешательства, оно вскочило на ноги и со всего духа бросилось бежать прочь, почти не выбирая направление бега, а полагаясь только на свой инстинкт. За своей спиной человек слышал прерываемое порывами зимнего ветра, отрывистое, недовольное дыхание большого льва, выбирающегося из заснеженной ямы. Впереди, в свете приближающихся ранних сумерках, на

расстоянии двух полётов копья, первобытный охотник разглядел узкую каменную косу, свободную от снега и круто обрывающую вправо вниз. Напрягая все свои силы и не сводя глаз с острого каменного хребта, усеянного камнями различной формы и величины, охотник приближался к откосу. В голове его стоял сплошной гул от разгорячённой смертельной погони, беспорядочно возникали и исчезали одни и те же вопросы: от чего он так опрометчиво вышел на охоту один, не дождавшись сбора охотничьего отряда своих соплеменников, и почему тогда не захватил с собой для верности несколько надёжных испытанных дротиков? Ответов на эти вопросы человек для себя не находил. Единственным неутешительным оправданием для него было, что уже много лун в этих местах ни он, ни его соплеменники не встречали крупных хищников – ни львов, ни тигров, ни серых медведей, ни даже их следов. Все выше перечисленные четырёхлапые пожиратели травоядных и человеческой плоти достаточно давно ушли из этих мест в более тёплые края, сопровождая миграции стад травоядных животных, занятых поиском более доступного и обильного корма.

Между тем, лев давно успешно преодолел предложенную природой ему преграду и уверенно настигал двуногое существо, посмевшее бросить ему вызов. Но вот человек достиг отрога каменного хребта, согнулся, поднял обеими руками увесистый камень, сделал пол-оборота в сторону преследующего его хищника, готовясь к отражению нападения, но вновь потерял неожиданно равновесие под начавшими оползать вниз под ногами другими камнями и кубарем покатился с откоса, как раз по правую руку. Падение длилось считанные мгновения... Очнулся человек на дне глубокой каменной ямы, ямы со всех сторон окружённой обледеневшими глыбами камня, поднимавшимися от её основания почти вертикально до самых верхних краёв... Левое плечо человека непрерывно саднило от тупой боли, и рука отказывалась слушаться своего хозяина. Вероятнее всего, как подумалось человеку, она была повреждена при его падении вниз со злополучного каменного откоса... Когда охотник окончательно пришёл в себя, то сквозь призрачную поволоку своих глаз он разглядел на краю откоса на фоне тёмно-синего неба силуэт чёрного льва, ещё совсем недавно преследовавшего его. Зверь осторожно перемещался с одного края откоса к другому по предательским коварным камням, готовым в любой момент сползти вниз на самое дно с тем, кто по ним ступает. По его рычанию было заметно, что огонь преследования двуногой жертвы в его сердце ещё не угас, хотя и заметно потускнел. Вызвано это было тем, что каменная яма, припорошенная снегом, находилась на глубине четырёх длин тел чёрного льва. Именно поэтому, хищник, при всём своём желании достать двуногого обидчика, явно не торопился спускаться вниз. Он достаточно ясно осознавал своим звериным чутьём, что обратно может просто не выбраться, навсегда оставаясь в яме заложником своей необузданной ярости и глупости. Разум зверя возобладавал над жадной кровью. Он отступил от края утёса, исчезнув из поля зрения незадачливого охотника. Человек перевёл дух. Он был уверен, что опасность быть растерзанным в этом снежном каменном мешке свирепым хищником миновала.

Львиный рык ещё долго раздавался над потемневшей от времени суток снежной равниной и над каменной ямой. Хищник возвратился к туше зубра и, окончательно успокоившись, приступил к долгожданной трапезе, совершенно позабыв о странном двуногом существе и нанесённом ему этим двуногим оскорблении.

Пролетающий над ямой промозглый холодный ветер лишь иногда доносил до человека невнятные отрывки львиной речи, состоявшие из довольного урчания и чавканья. Забыв на неопределенный срок о смертельной опасности в лице большой косматой кошки, человек во всё более нарастающей темноте решил обследовать то место, где был вынужден оказаться волею судьбы.

Дно ямы было достаточно ровным и занимало большую площадь, на поверхности которой находилось несколько гигантских каменных валунов, исключаяющих её полный всесторонний обзор с любого места. Первобытный охотник приподнялся и, слегка прихрамывая, мед-

ленно подошёл к одному из этих гигантских камней. У основания валуна он наткнулся на какие-то два твёрдых и больших предмета округлой формы. Неторопливо ощупав их руками в полной темноте, человек понял, что перед ним находятся бивни самого крупного и могучего из всех известных ему зверей – длинношёрстного слона, проще говоря – мамонта. У основания бивней человек ясно определил огромную голову одного из этих животных и далее туловище, наполовину истлевшее от времени и частично выеденное до костей какими-то хищниками и мелкими грызунами. Вокруг тела полуистлевшего и съеденного колоса было рассеяно множество мелких и средних костей, выдававших себя ломаемым звуком и хрустом при каждом человеческом шаге.

Не питая особых надежд на то, что его скоро обнаружат, и не имея при себе предметов, при помощи которых можно было бы добыть огонь, человек на ощупь определил для себя место вынужденного ночлега рядом с останками мамонта. Ему нужно было только выдержать безветренный мороз и пережить эту злосчастную ночь. Устроившись как можно удобнее, охотник закрыл глаза, стараясь поскорей погрузиться в дрему. Где-то над ним свистели и завывали предвесенние ветры, кружа хороводы с мокрыми липкими снежинками. Изредка до его чуткого слуха доносился заунывный вой волков, истосковавшихся по свежему мясу, да неприятный насмешливый хохот пещерных гиен. Наконец ночь, усталость нервного напряжения взяли своё. Человек погрузился в долгожданный сон, нисколько не беспокоясь о запахах, исходивших от различных животных, в том числе и от хищных. По его глубокому убеждению все они, как и этот мамонт, возле трупа которого он нашёл себе ночной приют, были давно мертвы. Каменный мешок, в котором он, охотник, оказался, давно лишил всех этих животных прав на жизнь.

Сколько времени ему удалось проспать тревожным сном, человек в ту пору знать не мог. Но только когда он проснулся от какого-то подозрительного шороха, уже светало. Чёрно-синяя небесная завеса поменяла свои цвета на бледно-серые, а затем на розоватые. Охотник зевнул, потянулся, протёр глаза. Выработанной годами инстинктивной привычкой, положил правую руку на топор и нож, которые как и должно быть, находились каждый на своём месте. С рассветом в каменном мешке стало значительно светлее. Ещё раз, более обстоятельно оглядевшись, человек разглядел в нескольких локтях от себя крупный, добела отполированный временем и грызунами скелет большой кошки. Этот скелет, судя по огромному черепу с устрашающими клыками и останками слежавшейся гривы, принадлежал первобытному льву – самому большому из представителей кошачьей породы, встречаемых когда-то людьми племени первобытного человека. Лев-великан, так же как мамонт в своё время, угодил на дно этой каменной ямы-ловушки. Было ясно, что никакие предпринимаемые обоими животными попытки выбраться из неё не увенчались успехом. А может быть, думал охотник, большая кошка преследовала отставшее от своего стада большое или раненное одинокое животное? В порыве погони на последних прыжках за долгожданной измотанной и обессиленной добычей она, так же как и мамонт, не уследила, какую коварную ловушку для них обоих изготовила природа, и оба животных, ломая хребты и кости под тяжестью своих тел, свалились на самое дно каменного мешка? Кто теперь разберёт, как всё было на самом деле, да и могло ли всё это интересовать человека в сложившейся для него жизненно-опасной ситуации... Определённо ясным было одно, что и волосатый слон, и первобытный лев-великан, и многие другие травоядные и хищные животные, в том числе большерогий олень, длинношёрстный носорог, овцебык, волки и гиены, останки которых распознал охотник, нашли здесь своё пристанище. После таких мыслей по телу человека пробежала дрожь, и боль нарастающей тревоги возникла в области левой груди. Оставалась лишь одна надежда, что охотничий отряд соплеменников, который отправился следом за ним в поисках добычи, каким-то чудом окажется где-то рядом и благополучно вызовет его из беды. Хотя прямо скажем, а это отчётливо понимал и сам человек, надежда на такой исход была очень малой.

В состоянии реальной действительности человека вновь вернул отчётливый шорох, доносившийся откуда-то совсем близко. Ещё раз внимательно осмотрев содержимое каменного мешка, невольником которого он стал против своей воли, и, не найдя ничего нового, кроме раннее обнаруженных останков животных, двуногий замер на месте ближе к центру ямы. Человек начал напряжённо вслушиваться. Шорох вновь повторился совсем близко от него, всего лишь в нескольких локтях ходьбы. Охотник взялся за рукоятку топора и перевёл пристальный взор своих глаз с припорошённого снегом каменного пола на стены этого природного сооружения. Суровые каменные стены были мрачны и безмолвны. Казалось, что ничто живое не в состоянии найти себе убежище в их твёрдом неподатливом теле. Однако, присмотревшись повнимательнее, на одной из стен человек в свете наступающего пасмурного утра обнаружил небольшую расщелину, уходящую в глубь тела скалы. Прямо из темноты этой едва внешне приметной расщелины смотрела на него, не отрывая взора, чья-то большая пара зелёных глаз. Осторожно, едва ступая, охотник приблизился на несколько шагов к неизвестному живому предмету, наблюдавшему за ним. С риском для жизни он, таким образом, пытался определить владельца этих глаз. Из расщелины послышалось недовольное рычание зверя, обеспокоенного приближением непрошенного соседа по несчастью. По рычанию зверя человек понял, что прямо перед ним в тёмной узкой дыре ямы находится тигр, вероятнее всего крупный самец. Холод и дрожь пробрали охотника, когда он вспомнил, как бесцеремонно вчера он укладывался в ночь спать возле трупа мамонта, ложно успокоив себя тем, что после того, как он избежал когтей и клыков чёрного льва, ему больше ничто не угрожает. Оказалось всё наоборот. Опасность погибнуть от лап рыже-полосатого хищника и быть им съеденным всё это время присутствовала с ним всего в нескольких локтях, пока он был погружён в сон.

Так же, осторожно, человек начал своё медленное отступление от тигра с его острым пронзительным взглядом. Только сейчас, отступая, напрягая органы обоняния, охотник различил едва уловимый запах свежей крови. Кровь эта, по его мнению, не принадлежала зверю. Тигр не был ранен, потому что ночью на дне ямы не было слышно рёва зверя, его прерывистого дыхания боли. Наоборот, всё было спокойно. Оставалось одно – запах крови принадлежал добыче тигра, которая по тому же стечению обстоятельств угодила в каменную ловушку вместе со своим владельцем незадолго до попадания в неё охотника, спасавшегося от чёрного льва...

Двуногий в своих рассуждениях был прав. В лапах у тигра был свежий труп добытого им оленя. Двигаясь на рассвете предыдущего дня по острому каменному хребту с заброшенной на спину и удерживаемой могучей пастью добычей, рыже-полосатый отступился, неудачно встав на выше упомянутые камни, рассеянные в бесчисленном множестве на его пути следования. Камни с завидным постоянством, как это неоднократно уже случалось, стали быстро сползать вниз, увлекая хищника и его добычу за собой значительно быстрее, прежде чем тигр успел что-либо предпринять для поправки положения. Так хищник и добытый им олень оказались на дне всё той каменной ямы. обстоятельно обследовав каждый уголок ямы и, обнюхав всё её содержимое, тигр с трудом, но надёжно с защитой от мокрого снега и ветра, пронизывающего иной раз само дно каменного мешка, устроился в узкой расщелине, куда не преминул втащить и свою добычу. Всё это время он неторопливо прикладывался к оленю, ведя отсчёт часам своего заточения. Падение вниз человека, которое он наблюдал накануне перед наступлением сумерек, не вызвало в нём никаких немедленных инстинктов охоты и жажды крови. Это его даже позабавило и обрадовало. Понимая, что из крутой отвесной ловушки он вряд ли выберется живым, тигр решил продлить часы своей жизни, оставив человека нетронутым до той поры, пока у него к столу останется олень. Примерно такого же мнения по поводу своего временно нетронутого существования обнаруженным им опасным соседом был и сам охотник. Человек не питал ложных надежд, что останется жив в присутствии одной из самых коварных и свирепых крупных кошек как двуногий собрат по постигнутому их обоим несчастью.

Пройдёт совсем немного времени и хищник, покинув укрытие, нападёт на него. Шансы голодного охотника отстоять свою жизнь с помощью каменного топора и ножа будут ничтожно малы. Придя в себя и немного успокоившись, человек начал искать глазами предмет, при помощи которого ему удалось бы выбраться из каменного мешка. Обнаружив под ногами два нарочь промёрзших ствола, он приподнял то из них, которое было потоньше и подлиннее. Подтащив покрытый снегом ледяной комель к одной из стен каменной ловушки, человек с большим трудом установил бревно в вертикальное положение и прислонил его к стене. Бревно оказалось меньше размером по длине, чем высота стены на человеческий рост. Но это неприятное открытие не смутило первобытного охотника в решимости использовать свой, пожалуй, единственный шанс на спасение. Убедившись, что бревно имеет достаточный угол наклона и вполне надёжно укрепилось за верхние выщербленные края отвесной стены, он предпринял попытку вскарабкаться до самого высокого края комеля в надежде, укрепившись на его верхнем основании, при помощи силы рук выбраться из злополучной ямы. Первая его попытка чуть было не привела к успеху. Он почти добрался до самого верха сооружения, но в самый ответственный момент промёрзшие руки ослабили свою хватку. Его одежда из шкур животных, впитавшая в себя мокрый снег, к этому моменту обледенела, и человек сначала поехал по бревну, а затем просто свалился вниз. Горечь досады от неудачной попытки длилась недолго. Отогрев руки, охотник вновь пошёл на штурм заветной высоты. Только на этот раз сил у него, чтобы добраться до верха, явно не хватало. Побарахтавшись где-то у середины бревна, он вновь свалился вниз, увлекая за собой при этом и само бревно.

За всем этим происходящим действием безучастно наблюдал тигр, по-прежнему не выдавший своего присутствия. Хищник был твёрдо уверен, что его будущей жертве никуда не удастся уйти, что его участь предрешена.

Оставив бесплодные попытки выбраться по обледенелому комелю наверх, человек достал каменный топор и, методично им работая, начал сбивать с бревна ледяной покров. Глухой стук, поднимавшийся из ямы от ударов топора по бревну, разносился над заснеженной поверхностью равнины далеко вперёд во всех направлениях.

Первым на этот стук откликнулись пещерные гиены. Они уже давно находились совсем рядом с острым каменным откосом, служившим коварным прологом к ловушке в виде глубокой ямы. Безучастно наблюдая за тем, как большой чёрный лев продолжает свою утреннюю трапезу у туши поверженного им предыдущим днём зубра, они слышали гулкие звуки каких-то ударов, раздававшихся совсем рядом. Поднявшись со своих мест, расположенных на почти-тельных расстояниях ото льва и его добычи, падальщицы и наглые воришки в одном лице, в числе четырёх взрослых особей, стали продвигаться на услышанные ими звуки. Их перемещение по снежному насту сопровождалось омерзительным хохотом и звуками, сходными с плачем и смехом человеческого детёныша. В ответ их неприятной для людского слуха песне раздавалось довольное и громкое рычание льва, наконец-то оставшегося один на один со своей добычей.

Человек, естественно, слышал все эти звуки: и хохот пещерных гиен, и громкий рык его вчерашнего преследователя. Но работа, поджимаемая отведённым ему временем для спасения своей собственной жизни, не требовала отлагательств. Когда серо-полосатая четвёрка подошла к краю обрыва, двуногий так же усердно трудился над бревном каменным топором, как и в самом начале. Глаза у хищниц заблестели. Они забесновались у края ямы, совершенно не подозревая какой опасности себя подвергают. Добыча была совсем рядом, внизу, всего в нескольких локтях под отвесом вертикального склона. Да, но как её можно было достать? Ведь кругом не было ни пологого спуска в яму, ни какого-то потайного подземного хода.

Обескураженные таким неутешительным открытием, гиены успокоились, расселись в ряд вдоль линий каменного откоса и упёрли свои взоры в двуногое существо, находившееся внизу. Их тёмные зловонные морды своими гримасами и глаза выражали явное неудовольствие

тем обстоятельством, с которым они столкнулись. Человек прекрасно осознавал, что их присутствие наверху мало повлияет на его судьбу, поэтому он не удостоил их даже недобрым, косым взглядом. Сейчас его больше беспокоил укрывшийся в расщелине рыжий с тёмными полосками хищник, исправно доедавший оленя, и то время, которое оставалось у человека в распоряжении. Положение охотника с каждой минутой становилось на какую-то незримую величину всё более и более опасным. Время от времени он прерывал работу, поднимая вверх свою заросшую голову, и что было сил, кричал из ямы в небеса на родном наречии, вызывая о помощи. Затем он умолкал, истощив голосовые связки, впадая во временное уныние, граничащее с отчаянием. Но жизни в нём было ещё более, чем достаточно и, продолжая очищать ото льда бревно, он вновь и вновь вызывал о помощи. Вдруг стены каменного мешка потрясла лёгкая дрожь и громовые звуки. Пещерные гиены быстро покинули свои места на хребте откоса и исчезли из поля зрения охотника. Спустя мгновение на краю откоса показалась огромная живая тёмно-бурая скала, являвшаяся ни чем иным, как старым вожаком мамонтов. Большие, выразительные глаза гигантского зверя с прищуром смотрели сверху вниз прямо на человека, насквозь пронизывая человека своим взглядом и вызывая в его теле лёгкую дрожь и озноб...

Охотник прекратил своё занятие, замороженный изучающим его взглядом травоядного исполина. Вскоре за спиной волосатого слона показались ещё несколько голов с большими кривыми бивнями и крупы спин его соплеменников, с не меньшим любопытством пытавшихся разглядеть содержимое каменного мешка. Трубный рёв опасности вожака стада охладил интерес наиболее любопытных из слонов, и они замерли словно вкопанные, не дойдя до опасной черты предательского откоса. Сам же вожак, опустив в воздушное пространство ямы ловушки своё грозное оружие, единственную руку и орган осязания – хобот, с шумом втянул в себя запахи, скрывавшиеся на дне ямы. Добытые таким образом сведения сообщили животному, что внизу кроме человека где-то рядом скрывается большая хищная кошка и что кроме полуразложившихся, изъеденных и истлевших трупов, костей и черепов других животных в яме больше ничего нет. Дошедший до вожака, едва уловимый запах от далёкой кончины его сородича, вырвал из утробы мамонта прощальный стон, который незамедлительно подхватила оставшаяся за спиной вожака основная группа животных. Отдав последние звуковые почести погибшему в яме сородичу и ещё раз безразлично взглянув на охотника – злейшего врага своего племени, вожак удалился прочь от кромки обрыва. Стадо слонов молча последовало за ним.

Человек вновь опустился на корточки и продолжил свою работу над бревном по очистке его от наледи. Время от времени он прерывался и, задрав вверх бородатое лицо, вызывал о помощи своих соплеменников, издавая только ему и им понятные громкие речевые выражения.

К моменту, когда работа над бревном подходила к концу, день был в своей середине. Серая невыразительная безоблачная пелена постепенно уступала место ясной небесной окраске. Местами проглядывало солнце, приглушая мрачные мысли в сознании человека, гоня их прочь, высвечивая своими лучами надежду на счастливое спасение. Но вот наверху слышались какие-то неясные новые звуки, постепенно переходящие в отчётливый волчий вой и рёв крупного зверя. Вскоре с края откоса в яму стали скатываться мелкие камешки. Вслед за ними спиной к человеку, на самом гребне откоса выросло тело могучего медведя, яростно рычащего на медленно обступавших его со всех сторон волков. Человеку было ясно, что сами по себе волки, даже имея значительный численный перевес, не стали бы преследовать опасного для собственной жизни животного. Серые четвероногие охотники снежных просторов просто решили отобрать у медведя добычу – крупную лань. Но медведь, голодавший несколько дней и как нельзя кстати, наконец-то, добывший себе пропитание, не собирался отдавать свою добычу волчьей стае. Положив лань прямо перед собой, и поняв, что путь к отступлению для него отрезан, матерый самец встал на задние лапы, чуть в стороны растопырил передние лапы

подушечками вовнутрь и, исподлобья, оглядывая обступавшую его полумесяцем волчью свору, стал ждать как опытный боец её неизбежного нападения...

Всё происходящее наверху человек, естественно, видеть не мог. Но по решимости в поведении медведя он твёрдо уже знал, что тот примет бой и просто так не отдаст свою добычу в лапы волков. Хорошо зная повадки пещерных, серых и других бурых медведей, охотник ясно представлял себе, что доведённый голодом до отчаяния любой из этих представителей косолапых будет драться до конца, пока не погибнет от клыков превосходящих сил врага или не одержит победу.

Между тем, полумесяц из серых волчьих тел всё ближе и ближе приближался к бурому медведю и добыче. Тактика боя для волков была проста. Часть стаи должна была отвлечь матёрого косолапого от добычи под его лапами, а другие волки всеми доступными хищному разуму уловками утащить подальше от места схватки мёртвую лань. Когда волки все вместе, единым порывом, бросились на медведя, то последний, словно разгадав их план, резко согнулся вниз, сгрёб добычу и сильно прошвырнул её под собой к себе в тыл за спину. Этот бросок его был настолько силён, что туша лани, преодолев большее пространство, чем предполагал её владелец, неожиданно для него и потенциальных её похитителей, свалилась вниз, прямо на самое дно ямы. Разогнувшись в исходную позицию и увидев боковым зрением всё произошедшее, медведь пришёл в такую неопишемую ярость, утроившую его свирепость, что начал крошить могучими размашистыми ударами своих лап черепа и кости, и хребты волков, со всех позиций атаковавших его, но ещё так и не успевших осознать, что лакомый кусок, из-за которого они преследовали крупного всеядного зверя, был для них безвозвратно утрачен. Теперь это дело обстояло совсем иначе, чем представлялось стае. Добычей для серых охотников мог быть только бурый медведь. Косолапый, в свою очередь, единственный шанс на своё спасение, а также на утоление голода видел в победе над стаей. Обоим противоборствующим силам совершенно некуда было отступать. Волки, волна за волной, накатывались на непреодолимое препятствие в образе медведя, пытаясь вцепиться ему в горло, повалить его на окровавленные камни и снег, превратив его тем самым в долгожданную добычу. Но косолапый с неукротимой энергией и молчаливой яростью крушил их одного за другим лапами, иногда даже вспарывать успевал внутренности серым охотникам своими непомерно большими и острыми невтягивающимися когтями. Силы обеих сторон истекали. Битва подходила к концу, а победитель так и не был выявлен. Но вот человек, находившийся внизу, услышал призывный вой вожака стаи и волки, понёсшие весомые потери, отступили в надежде пополнить свои желудки тем, что останется им со стола чёрного льва. Правда, на очереди они были лишь вторыми после пещерных гиен.

Медведь, оставшийся стоять наверху склона, едва переведя дух, принялся зализывать свои окровавленные раны, нанесённые ему волками. Затем он медленно опустился в круг, образованный из тел поверженных им врагов, обнюхал нескольких из них, выбрав того, что оказался поплотнее, без особого аппетита и удовлетворения начал его поедать. Вой и рычание наверху стихли. Над поверхностью ямы воцарилась полная тишина. Лишь редкое ворчание медведя и приглушённое рычание чёрного льва нарушали покой безмолвия...

Человек, заточённый в каменном мешке, за время, проведённое в нём, изрядно промёрз с головы до пят, не имея под руками кремниевых камней. Даже если бы они имели счастье оказаться у первобытного охотника, то вряд ли ему удалось что-либо собрать на дне ямы, даже для самого маленького костра. Дрожа всем телом от пронизывающего озноба, облачённый в шкуры, двуногий медленно, осторожной поступью приблизился к свежей туше молодой лани.

Вытащив костяной нож, человек судорожными движениями замёрзших рук отрезал от потерянной перед боем добычи медведя ещё тёплый желанный кусок свежего мяса. Утолив чувство голода предоставленным ему проведением судьбы сырым мясом, охотник поднял со дна ямы несколько пригоршней снега, неторопливо пережевал их, доведя до состояния воды,

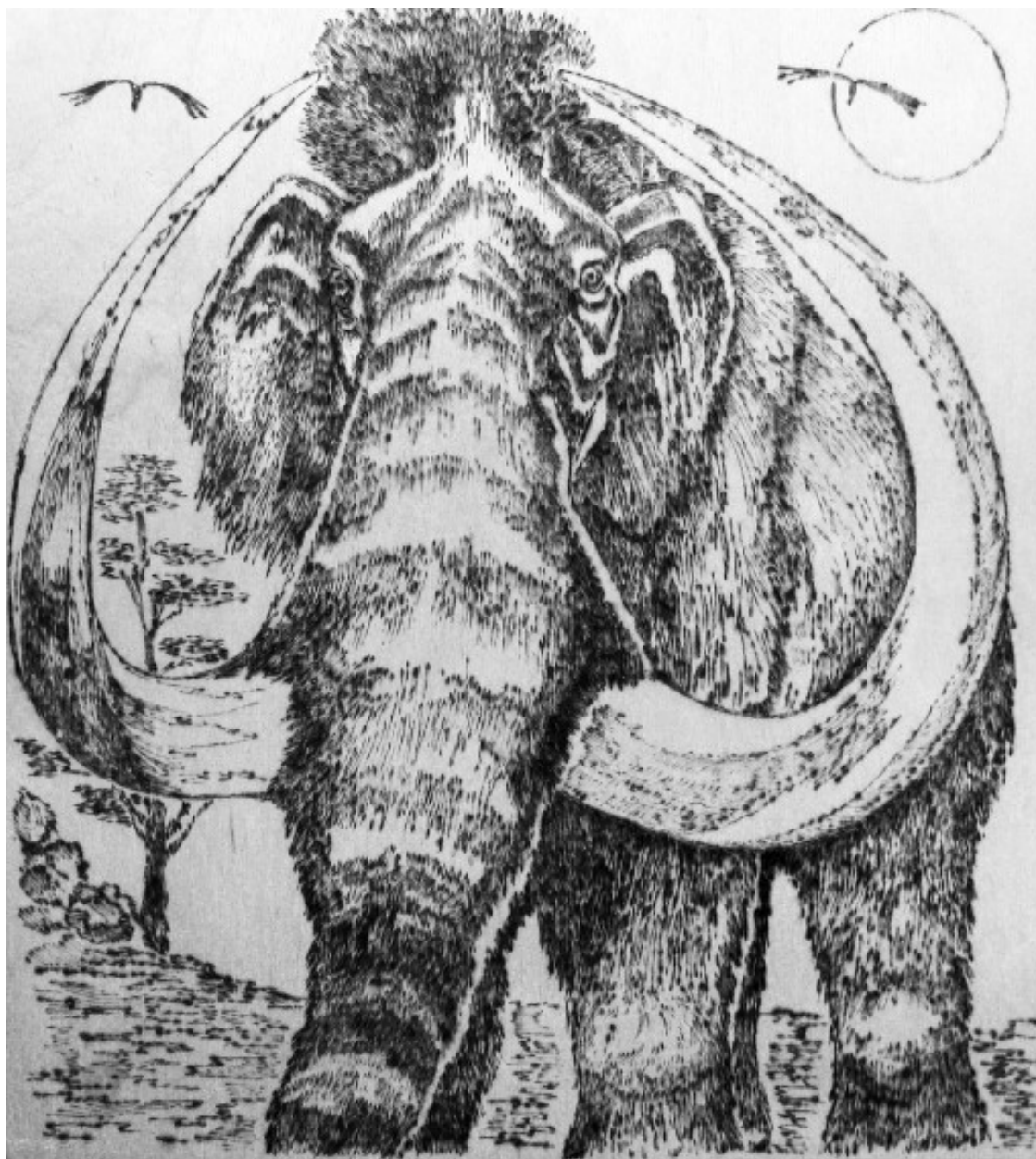
и также неторопливо проглотил и саму воду. После того, как с первыми признаками голода было покончено, человек вновь приладил почти вертикально к стене ямы очищенное ото льда бревно, предпринимая очередную попытку выбраться наверх. Перед тем, как ещё раз вскарабкаться по бревну до уровня заветной поверхности, где он так же, как и здесь в яме подвергал себя опасности быть растерзанным бурым медведем или чёрным львом, охотник ещё раз, что было духу, отчаянно прокричал призыв о помощи на своём родном языке. В ответ ветер принёс ему запах короткого свежего не морозного дня и какой-то невнятный, приглушённый звук, отдаленно напоминающий человеческую речь. Собравшись с силами, он начал карабкаться вверх по бревну, которое теперь не скользило в руках и позволяло ему всё ближе приблизиться к заветной цели – последней надежде покинуть каменную ловушку.

Спокойно отдыхавший с открытыми глазами тигр возле наполовину съеденной своей добычи в узкой расщелине стены впервые начал выказывать признаки беспокойства. В странном, непонятном поведении двуногого существа хищник почувствовал какую-то скрытую угрозу своему недолгому, но сытному сосуществованию. Его потенциальная, совсем близкая добыча пыталась ускользнуть из-под самого носа. Впервые за последние два дня, покинув своё открытое логово, тигр с присущей ему мягкой поступью и осторожностью, крадучись, в считанные мгновения оказался у нижнего основания комеля, по которому уже заканчивал свой подъём человек. Со всего маху могучий зверь лапой ударил по бревну, лишив его состояния устойчивости. Первобытный охотник, не разжимая своих объятий вокруг комеля, в мгновение ока вместе с последним оказался вновь внизу прямо под лапами и перед разъярённой мордой хищника, издававшей раскатистое «ОАУ!». Древяк топора при падении охотника на дно каменной ловушки сломалось у самого основания рубящей части и уже не представляло собой столь грозного оружия, каковым являлось изначально. Смерть была совсем близка, до её оранжево – полосатой шерсти можно было дотянуться ободранной в кровь рукой. Но в этот самый момент наверху раздалась до боли в сердце знакомые обрывки родной речи, и брошенное оттуда копьё царапнуло бок, чудом увернувшейся от него большой кошки. Тигр приглушённо зарычал и, не спуская глаз с неизвестно откуда-то взявшихся на его голову большую группу двуногих существ, явно угрожавших ему расправой при помощи тяжёлых и острых палок, задом попятился медленно туда, откуда ещё совсем недавно он начинал вылазку, имевшую цель положить конец последним попыткам человека избежать своей участи...

С трудом, приподняв своё тело утром на руки и сев на корточки, человек смотрел изумлёнными глазами на многочисленные фигуры своих соплеменников. Они толпились у основания откоса и радостно приветствовали найденного живым своего сородича. Скупая слеза благодарности спасенного первобытного существа скатилась по щетине его лица. Скрутив наверху большую толстую верёвку, состоящую из обрывков шкур мелких животных, люди один конец её сбросили вниз на дно ямы так, чтобы до неё мог дотянуться свободно их незадачливый товарищ. Узник каменного мешка, ухватившись за верёвку, дал понять своим соплеменникам, чтобы те ещё ниже опустили её. Свободной рукой он показывал при этом на свежую тушу лани, лежащую у его ног. Люди наверху удовлетворённо кивнули головами и опустили верёвку ещё ниже. Прочно обмотав и завязав узлы на животном, человек внизу голосом дал команду на подъём лани. Несколько раз, зацепившись маленькими рожками и телом за неровные шероховатости и выступы отвесной стены, добыча оказалась наверху, попав в руки охотников. Освободив верёвку от животного, люди вновь сбросили её свободный конец вниз, чтобы наконец-то поднять из ямы человека... Всё это время, пока охотник внизу аккуратно неторопливо обвязывал себя примитивной верёвкой, несколько человек наверху с копьями наперевес следили за возможными движениями опасного хищника, не желавшего оставаться в одиночестве в каменном мешке, уже послужившим погребальной усыпальницей для многих животных. Тигр обезопасил себя от возможных попаданий в него неприятных разящих предметов, – тяжёлых копий и камней, с которыми так ловко умели обращаться ненавистные живые существа, вновь забрав-

шись под своды расщелины. Откровенный рёв досады обречённой на недолгую, голодную, одинокую смерть полосатой кошки исходил из-под сводов каменной расщелины и затем безвозвратно угасал. Поднятый на поверхность, измождённый физической усталостью охотник, сразу же попал в объятия своих соплеменников, таких же, как и он сам охотников. Немного умирив свой бурный пыл и успокоившись, люди начали готовиться в обратную дорогу, дорогу домой под своды обогреваемой очагом пещеры. Короткий зимний день клонился к концу. Нужно было торопиться выступить в путь. Пройдя всего лишь несколько шагов, спасённый охотник и его соплеменники наткнулись на место недавней кровавой битвы большого бурого медведя и волчьей стаи. Повсюду снег был пропитан кровью. Везде были разбросаны клочья бурой и серой шерсти, а так же трупы четвероногих степных и лесных охотников-волков, разбитых и обезображенных могучим косолапым. Прихватив с собой пару волчьих туш, оставшихся после такой убойной мясорубки в пригодном для выделки шкур виде, вся людская вереница отправилась к родным местам. Медведя поблизости нигде не было. Скорее всего, прихватив с собой один из волчьих трупов, он решил устроиться где-нибудь в другом месте, подальше от места битвы. Свидетельством тому служил широкий размашистый кровотокающий след волочимого им по снегу трупа серого. Медведю было противно соседство группы пещерных гиен и на сей момент находящихся недалеко от волчьих тел и терпеливо ожидавших своей очереди отобедать. На расстоянии нескольких полётов копья оставшиеся в живых другие представители волчьей стаи рвали своими острыми клыками добычу большого чёрного льва, неподалёку лежащего от добытого им днём раньше зубра. Сытый лев крепко спал, совершенно не заботясь о том, насколько опорожнят его мясную кладовую в виде крупного быка потерпевшие поражение в смертельной схватке с медведем волки. Только чёрная точка на снегу, за кучей беснующихся волчьих тел у зубра сквозь начавший падать снег, напоминала спасённому человеку о том, из-за кого он угодил в каменный мешок. День начинал клониться к закату. Вооружённая группа первобытных людей спешно возвращалась назад, туда, где её с нетерпением ждали. Люди несли с собой дополнительные охотничьи трофеи, а главное – они вернули племени, казалось навсегда утраченного соплеменника... Сегодня всё племя будет ликовать, а завтра вождь и старейшины определят наказание спасённому охотнику за его непомерную гордыню и неоправданное рискованное стремление к одиночной охоте.

Бегство от «ледяного зверя»

Колоссальный по мощи удар сотряс пещеру, служившую обителью первобытным людям. Ночная дрема племени была вмиг прервана новым наступлением холодной снежной стихии. Порывы морозного, пропитанного тучами колючего снега и ветра, ворвались в людское жилище, потушив ночной очаг и рассыпав по полу пещеры бесчисленное множество острых осколков льда и кип снега. Люди в панике с криком и диким воем вскакивали с мест своего ночного отдыха, ещё не осознавая того, что происходит с ними и их жилищем. В считанные мгновения вход в пещеру, только что согреваемую огнём изнутри, оказался плотно заваленным сплошной массой кристалликов снега. Абсолютная, непроглядная темнота и жуткий холод овладели пещерой. Беспорядочные людские крики ужаса и страха стихли также неожиданно быстро, как и родились в ночи. В крошечной мгле было отчётливо слышно многочисленное биение молодых и старых сердец, только что испытавших на себе глубокий шок от неожиданного ночного натиска небывалой снежной стихии. Мрачную тишину разразил голос вождя племени. Напрягая мощь своих лёгких, сын Зубра сказал:

–Артуки! Мы оказались в западне, во власти ледяного зверя. Этого зверя, так же как и большого медведя, и мамонта можно одолеть только всем племенем. Ваш вождь, сын Зубра, повелевает вам во всём следовать и делать всё так, как делает он.

После этих слов сын Зубра взял каменный топор, подошёл к закрытому снегом и льдом проёму пещеры и стал изо всех сил бить топором по заснеженному льду. Взрослые воины племени последовали его примеру. Остальные члены племени с замиранием в сердце следили за тем, как продвигается работа по освобождению всех соплеменников от внезапно возникшего тёмного плена. Сквозь образовавшийся мрак в жилище артуков были отчётливо слышны лишь звуки от ударов топоров упорно работающих мужчин племени во главе с вождём, да негромкие стуки от падающих на пол пещеры осколков льда, вздохи и причитания стариков и старух, прерываемые временами пронзительным плачем до смерти напуганных ребятшек.

По мере того, как в полной кромешной тьме продолжалась работа взрослых мужчин племени по освобождению из заточения себя и всех других своих сородичей, гул и грохот над сводами пещеры и далеко за её пределами всё более и более возрастали, с каждым разом всё сильнее сотрясая жилище артуков. Работающие на колке люди начали уставать. Их соплеменникам, ждавшим благополучного разрешения своей участи, были слышны хриплое и учащённое дыхание своих самых сильных людей и менее частые и не столь мощные удары топоров. Наконец работа затихла совсем. Ледяные оковы жестокой стихии накрепко сковали проём выхода из пещеры, обрекая людей на медленную голодную смерть. Уставший вождь и обессиленные от упорной работы охотники вернулись к центру пещеры и, на ощупь определив свободные для себя места для отдыха, уселись на корточки. Грудные и малые дети по какому-то неведомому знаку перестали всхлипывать и плакать. Сколько длилась эта безмолвная пауза, на ту пору это никого не интересовало. Никто не брал на себя смелость нарушить возникшую тишину. Но вот вождь тяжело вздохнул, перевёл дух и произнёс:

–Белый зверь не хочет выпустить нас. Он хочет, чтобы мы навсегда остались под сводами своего крова без огня, тепла и горячего мяса. Так что? Мы сдадимся ему в его колючие холодные лапы и все умрём от голода или примем до конца эту битву, как подобает настоящим охотникам и воинам племени артуков? Кто хочет сказать? Я слушаю...

Из темноты раздался мощный голос с хрипцой. Этот голос принадлежал лучшему охотнику и воину племени – Рыжему Саблезубу, чья воинская доблесть и количество охотничьих трофеев хорошо всем были известны. Кашлянув пару раз и несколько раз ударив здоровенным кулаком в свою широкую грудь, он сказал следующее:

–Нам нельзя оставаться. Здесь нас ждёт верная смерть. Ледяной зверь хочет нас проглотить своей пастью. Артуки не позволят ему это сделать.

Под сводами пещеры послышался нарастающий одобряемый ропот.

–Тогда все здоровые мужчины племени вместе с воинами-охотниками принимаются за работу, – раздался твёрдый голос вождя.

Спустя короткое время вновь заработали топоры, зубила, скребки и другие подручные предметы, всё яростнее и злее врезаясь в твёрдое тело ледяного зверя. На какое-то время соплеменники, оставшиеся без работы, ощутили на себе прилив тепла, исходящий от разгорячённых тел людей племени, ведущих смертельную схватку с тем, кто в своей силе неисчислимо превосходил силу мамонта, с тем, кто никогда не испытывал великодушия к поверженному им живому существу, постоянно пожирая того своими необъятными чудовищными челюстями.

Лёд поддавался с трудом. Он держался с достоинством, как и подобало могучему сопернику, столкнувшемуся с невероятным упорством маленькой кучки живых существ, запертых им ради забавы в небольшой полой каменной кочке-норе.

В то время, когда одни усердно боролись за жизнь всего племени, а другие с замиранием в сердце участливо наблюдали за этой борьбой, один из представителей артуков – веснушчатый светловолосый мальчишка подростковых лет с серыми глазами напряжённо о чём-

то думал. В голове этого юного создания вихрем пролетали мысли одна за другой, будоража его воспоминания. И вот, наконец, он вспомнил нечто очень важное. Он вспомнил, как ещё две весны назад до сегодняшних, почти уже трагических событий, довелось ему одному остаться в родной пещере за насмешливые проделки над своими сверстниками и поддерживать огонь в очаге. Был прохладный, но ясный солнечный день. Мужчины племени, большей частью, во главе с Рыжим Саблезубом находились на охоте. Старейшины, старики и женщины с малыми и совсем несмышлеными ребятишками под охраной самого вождя племени и нескольких воинов собирали в редколесье на равнине прямо под горой, где располагалась пещера, различные вкусные плоды, как растительного травного происхождения, так и те, что росли прямо из земли совсем рядом, с деревьями... И всё бы было хорошо в этот день для бесноватого нашего героя по имени Тик, если бы к середине дня не разыгрались события, предвидеть которые никто не мог... Поворошив догорающий огонь и подкинув ему пищи в виде больших сухих веток ясеня, Тик сладко зевнул и вместо того, чтобы продолжить бодрствовать, с удовольствием растянулся во весь свой немалый рост на ближайшей шкуре серого медведя неподалеку от очага. Он закрыл глаза, представляя себе, что скоро вернутся охотники со знатной добычей, и спустя ещё какое-то время он вместе с остальными членами своего многочисленного семейства будет вкушать жаренное или печёное мясо какого-нибудь там дикого осла, лошади, оленя, тура, а возможно, лося или медведя. Лишь бы это было вкусно и позволило утолить голод. Пустив сладкую слюну и окончательно забыв об обязанностях в поддержании огня, Тик погрузился в приятную дрему. Но сон его не был длителен. Проснулся он от неприятного, спёртого, густого запаха и едва уловимого шороха. Не успев толком прийти в себя и встать на ноги, протирая глаза и одновременно становясь на колени с полуопущенной вниз головой, Тик успел заметить, что прямо перед его опущенным вниз взором располагаются массивные лапы жёлто-коричневого цвета. Страх овладел сердцем юноши. Он боялся приподнять вверх голову. Ужас парализовал тело подростка от одной только мысли, что он наверняка знает, кому принадлежат эти лапы. Вне всяких сомнений он знал, что эти лапы и густой, спёртый запах, исходящий от ещё невидимого всего тела, принадлежит только одному хищному зверю – бывшему хозяину их нового жилья. Этим хозяином до того, как его изгнали из родного логова, являлся крупный старый самец пещерного льва. Тогда Тик был ещё совсем несмышлёным мальчиком, но события той кровавой драмы у входа в пещеру, как самый страшный эпизод из его жизни, навсегда врезались ему в память.

Защищая своё жилище от людей, лев получил множественные ранения, лишился левого глаза, но при этом сам убил троих опытных охотников. Жизнь хищнику спасла его необузданная ярость оскорблённого самолюбия. Однако жилище своё он утратил, уступая его численному превосходству людского натиска. Потеряв своё право на пещеру, он некоторое время вовсе не напоминал артукам о своём сосуществовании. Но две весны назад он вновь вернулся и решил напомнить о себе. Пещерник пришёл ясной звёздной ночью. Он был не один. С ним была его подруга, с которой волею судьбы ему суждено было встретиться на бескрайних просторах лесостепи каменной эпохи. Он и она, стоя у входа в пещеру, рычали, требуя от людей своё законное право на жилище. От двуногих существ львов отделяло большое яркое пламя, преграждавшее путь под своды своего бывшего дома. Немного посотрясав раскатистым рыком ночное осеннее небо и изрядно поволновав людей, он и его подруга удалились в бездну ночи. И вновь ни пещерный лев, ни его львица ничем не напоминали о себе. Немного спустя после их последнего визита как-то произвольно, без видимых причин стали пропадать одинокие люди, волею случая оказывавшиеся на почтительном расстоянии за пределами пещеры. В племени всем было ясно, что это лап и клыков дело. Отпечатки лап, найденные в разных местах в разломах базальтовых пород и ниже в редколесье, полуизглоданные и изуродованные трупы отчётливо свидетельствовали об этом. Многочисленные засады и облавы привели лишь к одному – охотники племени убили его львицу. Косматый, матёрый убийца вновь ушёл...

И вот он вновь стоит над своей очередной одинокой и невооружённой огнём и копьём человеческой жертвой и, вкушая скорую расправу, умиротворённо тихо порывивает. Тик, дрожа от страха, поднял кверху свои глаза и встретился со сверлящим его насквозь большим единственным жёлтым глазом. «Пощады не будет, как и не было её всем другим, кто попадал ему в лапы», – подумал про себя мальчишка. Тик медленно опустил тело на четыре точки и, не видя для себя никакого спасения, инстинктивно направился туда, где в одной из стен находилась достаточно глубокая и вместительная ниша, куда его соплеменники в зимние месяцы и ночное время частенько сбрасывали кости после обильной трапезы. Днём, когда было светло, дозорные собирали эти кости и останки пищи из ниши и выносили их за пределы пещеры, чему несказанно радовались находящиеся неподалёку отдельные группы диких собак и не очень крупных красных волков.

Одноглазый пещерник с нескрываемым любопытством смотрел на то, как ненавистный ему двуногий зверь на четырёх ногах, весь сотрясаясь от страха предстоящей скорой смерти, медленно ползёт к стене пещеры. Тик же, в свою очередь, сознавая, что одно неосторожное

либо просто неловкое движение приведёт к тому, что огромный старый лев всего лишь одним небрежным движением превратит его спину в окровавленный кусок, готовый к употреблению в сыром виде, был предельно осторожен и медлителен. Иначе всё – конец его жизни неизбежен.

Вот Тик поравнялся с ямой. С её дна на него повеяло устоявшимся запахом разложившейся гнили и едва заметным дуновением ветерка. Лев по-прежнему был любопытен и не выдавал нетерпения обычно нервным подёргиванием кисточкой хвоста. Вскоре пещерник сделал полшага вперёд вслед за мальчишкой. В этот самый момент Тик с невероятной ловкостью и быстротой нырнул в зловонную нишу и исчез из поля зрения большой кошки, оставив тем самым на некоторое время пещерного льва в крайней растерянности. Этих нескольких мгновений юноше хватило для того, что, даже получая синяки и ссадины, разрезав местами выбеленными костями свой живот, он значительно продвинулся вперёд и полностью исчез из поля зрения грозного хищника. После такого манёвра двуного лев пришёл в неопишемую ярость и последовал следом за своей ускользающей жертвой. Преодолевая подземный базальтовый коридор, Тик слышал, как дышал крупный зверь, преследуя его в узком каменном тоннеле. Неожиданно для себя мальчишка ткнулся головой во что-то твёрдое. Это твёрдое заколыхалось, но устояло. «Всё, теперь я его...», – безысходно подумалось Тику. В это самое время сзади одноглазый как-то неестественно себя повёл – недовольно зарычал и прекратил продвижение вперёд. «Неужели застрял?» – с надеждой подумал мальчишка. А хищник действительно застрял, и с великим трудом ему удалось освободиться. Для этого льву пришлось сдавать назад. Делал он это с огромными усилиями, но довольно проворно. На его громкий надрывный рёв к пещере уже спешили возвращавшиеся с охоты соплеменники юноши. Не помнящий себя от пережитого ужаса, Тик, так же как и лев, задним ходом, оказался вновь внутри пещеры у потухшего очага. На все вопросы, заданные ему охотниками племени, юноша совершенно ничего не мог ответить. Он был в шоковом состоянии, и только время от времени о чём-то невыразительно мычал и разводил в стороны руками.

На следующий день, утром, вождь племени – Сын Зубра за очередную суровую провинность по отношению к очагу племени подверг Тика публичному наказанию. Он был выпорот перед своими соплеменниками, вымоченными в воде крупными крепкими ветками тальника, и лишён горячей мясной пищи на несколько дней. Огонь в очаге был восстановлен. Тик во время испытания голодом проявил стойкость духа и ни разу не попросил у своих соплеменников для себя кусочка мяса. Самым суровым и страшным испытанием для него было то, что после роковой встречи с пещерником он лишился дара речи и памяти.

И сейчас, переживая трагические моменты дальнейшей судьбы своей и своих соплеменников, Тик, неожиданно для себя, вновь обрёл дар речи, к нему вернулась память. Что было силы в его детских лёгких, он закричал на всю покрытую мраком промёрзшую пещеру:

–Тик вспомнил! Я вспомнил! Мы спасёмся! Мы выйдем отсюда!

Крик его был настолько силён, что все работавшие инструменты и орудия первобытных людей по раскалыванию монолита льда вмиг прекратили свою деятельность. Люди инстинктивно повернулись в сторону только что кричавшего эти так нужные слова, пытаясь в крошечной тьме выхватить его глазами из многоликой массы сородичей. Наступило временное оцепенение. Вдруг чья-то крепкая властная рука схватила под локоть левую руку Тика, и голос вождя племени повеливающе произнёс:

–Что ты вспомнил Тик, сын Хитрого Енота? Говори!

–Я вспомнил всё.

Тик поведал вождю племени и всем остальным сородичам о том, как к нему вернулась память. Он сбивчиво и коротко рассказал, что в тот злополучный для него день, когда он лишился от пережитого ужаса дара речи и памяти, и чуть было не лишился рассудка от преследования его одноглазым пещерником, неожиданно для себя Тик сделал открытие – он раскрыл тайну пещеры. Их пещера помимо основного выхода, ныне крепко замурованного тол-

щей льда, имела потайной выход. Он находился как раз там, куда в холодные промёрзшие ночи артуки временно сбрасывали обглоданные кости и пищевые отходы. Юноша хотел ещё что-то добавить, но Сын Зубра крепко сжал кистью его плечо, твёрдо и решительно произнёс: - Довольно, Тик! Мне всё понятно!

Люди в пещере оживились. Было ясно, что искра надежды на спасение вспыхнула в них с новой силой. Быстро подойдя к захламлённому костями углублению в стене, вождь вместе с другими мужчинами племени начали расчищать лаз. Когда кости были выброшены из него вовнутрь тёмной пещеры, Сын Зубра позвал к себе голосом самого могучего из охотников и воинов – Рыжего Саблезуба. Рыжему к этому времени всё было понятно без лишних слов. Прихватив с собой топор и тяжеленное копье, он осторожно просунулся в узкий каменный коридор затхлого приямка. Всё племя с замиранием сердца слушало, как шуршало его большое тело, продвигаясь по-пластунски ранее неведомого пути. Наконец, где-то не очень далеко, скорее всего с противоположной стороны каменной гряды, в которой располагалась пещера, раздался глухой тяжёлый скрежет. Все уже догадались, что сильные руки Рыжего Саблезуба отодвигают камень, на который в своё время наткнулся головой Тик – сын Хитрого Енота. Вскоре скрежет прекратился и в пещеру хлынул свежий поток морозного воздуха и бесчисленное число колючих снежинок. Вслед за этим послышался уверенный голос Рыжего:

– Покидайте пещеру, пока снегом не занесло проход из неё!

Люди и так уже стоявшие возле спасительного лаза, истинное предназначение которого открылось перед ними только сейчас, издали долгожданный вздох облегчения. После быстрого совещания со старейшинами первыми исчезли в каменной дыре несколько опытных воинов, затем женщины и дети. Когда под сводами пещеры вместе с вождём остались всего несколько человек, свод в проёме человеческого жилья вдруг залихорадило, и лёд, буквально разрывая проём, крупными осколками выстрелил вовнутрь жилища артуков. Ледяным залпом было ранено несколько людей племени, в том числе и сам вождь. К счастью все ранения оказались достаточно лёгкими и безопасными для жизни. Единственной немаловажной и тревожной вещью было то, что в ноздри первобытных людей проник свежий запах крови, а это означало, что и хищники, обладающие куда более острым обонянием, нежели люди, быстро могли получить весть об этом, находясь они где-нибудь поблизости. Спустя короткое время все люди пещеры оказались за её пределами на открытом пространстве. Взору их предстала реальность, подумать о которой у них не хватило бы первобытной фантазии. Справа от того места, где через потайной вход вышли на свежий воздух люди и где должна была располагаться охотничья тропа, по которой артуки спускались от своей пещеры с каменных холмов в некогда цветущую долину за дичью, прямо перед входом в пещеру находилась высокая стена цвета перламутра. Стена эта была столь непомерно широка, что могла бы послужить местом стоянки для многих племён одновременно. То, что эта махина льда, припорошённая снегом, была недвижима, было обманчивым впечатлением. Едва заметно она колебалась. И каждое незначительное её колебание могло привести к очередному непредсказуемому короткому или длинному продвижению вперёд. Чтобы не вставать на пути у непреодолимых сил природы, вождь и старейшины приняли решение обогнуть пещеру с левой стороны. Когда люди племени обогнули пещеру и вышли с обратной её стороны, то взору артуков предстал ландшафт, не имевший ничего общего с тем, который они видели ещё вчера перед сном. Всё вокруг было покрыто огромным белым покрывалом из снега, который всё прибывал и прибывал вместе со льдом, равномерно ложась на предыдущий слой бесчисленным потоком маленьких холодных телец. Внизу, под склоном каменного холма на пологой снежной равнине было столько животных как растительных, так и хищных, что ни один из ныне здравствующих артуков не взял бы на себя смелость заявить, что что-то подобное он лично уже мог наблюдать. Вся эта живая масса копытных и когтистых тел, поочередно отставая и обгоняя друг друга, двигалась вглубь долины

редколесья, подгоняемая скрежетом и громоподобным рёвом исполинского белого зверя, имя которого было – Ледник.

Среди животных здесь были большерогие олени, державшиеся семьями и порознь, большое стадо зубров, диких лошадей, лоси, олени, семьи носорогов, кабаны, стадо мамонтов и все те, кто являлся хищниками, рано или поздно принимавших участие в поглощение плоти травоядных. Среди хищников выделялись серые медведи, большие первобытные пещерные львы, тигры, леопарды, отдельные стаи серых и красных волков, дикие собаки и шакалы. Вся эта жаждущая крови многоликая хищная масса, как почётный эскорт, с обеих сторон сопровождала всё пребывающие группы травоядных, не теряя надежды вместе с отступлением под натиском ледника воспользоваться случаем и набить свою утробу свежим мясом кого-либо из травоядных... В те короткие мгновения, когда наступающие ледяные торосы брали себе передышку, было слышно, как ревела вся эта огромная животная армия, преодолевающая неудобства в виде глубокого снега и колющих ноги и лапы осколков льда...

Оценив ситуацию, вождь дал знак людям племени к спуску на равнину. Взяв в круг стариков, женщин и детей, ошестинившись копьями, палицами и топорами, племя медленно приступило к спуску от затопляемого снегом и льдом их крова в лощину долины. Всем людям племени было ясно, что пришедшие издалека тяжёлые времена продлятся очень долго, и что если сейчас не последовать за потоком травоядных животных, то рано или поздно всё племя встанет перед фактом голодной смерти.

Чуть только артуки преодолели часть спуска, как новый, ещё более мощный грохот сотряс почву под их ногами. Сделав пол-оборота головы в направлении зловещего звука, первобытные люди увидели, как в нескольких сотнях локтей от того места, где они только что находились, на каменную гряду взобралось ледяное голубовато-зелёное чудовище. Высотой оно было в четыре человеческих роста.

–Вперёд, быстрее вперёд! – прокричал вождь, – никому не отставать!

Словно услышав слова сына Зубра, оба смертоносных ледяных языка, подобно всё состригающими на своём пути острым гигантским ножницам, почти одновременно начали своё движение вперёд, которое рано или поздно должно было привести их к взаимному столкновению. С трудом, преодолевая обжигающий ноги и вызывающий озноб по всему телу колющий снег, пригнув головы, теплее и плотней упрятав в одежды из шкур животных грудных и маленьких детей, артуки продолжили бегство от стихии. Со всех сторон их в огромном количестве обгоняли травоядные и хищные звери. Вот одна молодая женщина с малым ребёнком на руках оступилась и упала лицом в снег. Она находилась в самом конце людского коридора. Воины племени оказались впереди её всего лишь на несколько шагов. Когда к ней обернулись, то под грудой рычащих волчьих тел ничего невозможно было разглядеть. Она не успела издать даже крика, когда волчьи клыки с быстротою молнии, словно лезвие бритвы, разрезали ей горло. Лишь едва заметная алая струйка крови, покрываемая снежной пеленой, свидетельствовала о только что разыгравшейся трагедии. Племя только вздрогнуло, словно раненное животное, но не приостановило своё движение вперёд. Остановиться на месте – значило попасть напрямую в объятия смерти. Окружённый со всех сторон соплеменниками, Тик ещё раз бросил взор в сторону удаляющейся навсегда пещеры. На её вершине, вопреки здравому смыслу, стоял тот, кто чуть однажды не обглодал его с головы до пят, и чьё участие в той истории сыграло не малую роль в том, что сегодня Тику и его соплеменникам удалось спастись от, казалось бы, неминуемой гибели. Дрожь земли, скрежет и грохот поддвигающегося льда заглушали довольный рёв старого одноглазого пещерного льва. Он торжествовал победу. Люди – ненавистные ему двуногие существа, наконец-то, оставили его жилище. Теперь оно принадлежало только ему одному... В это время из жёлоба каменной гряды, между двигающимися навстречу друг другу языками ледяного зверя, выскочили две маленькие фигуры, принадлежавшие серым медведям, и быстро, семена вразвалку, стали подниматься по языку ледника, закрывавшему

вход в пещеру. Вслед за ними оттуда же, поднимая клубы снежной пыли, вывалилась огромная группа серых тел и бросилась догонять медведей.

Тик, следуя вперёд в кругу своих соплеменников, боковым зрением с нескрываемым любопытством наблюдал за далёкими фигурами хищников.

Когда медведи добрались до верхнего основания горы, то к своему разочарованию они оказались на одном уровне со сводом входа в пещеру. Их скоротечные попытки разрыхлить монолит тысячелетнего льда передними лапами оказались грустной и тщетной забавой. Придумать что-либо другое им просто не позволяло время: волки следовали за ними по пятам. Попытка медведей укрыться в покинутой людьми пещере провалилась. Старый пещерный лев, ревущий у них над головами, не вызывал у пары косолапых опасений. Сейчас больше всего они опасались несметного числа голодных серых волков. Прижавшись спинами к каменной гряде, встав на задние и приподняв перед собой передние лапы, зло, исподлобья поглядывая на приближающихся врагов, они приготовились к своей последней битве... Волки обступили их по свободному пространству, оскалились, шерсть на их затылках вздыбилась...

Тик видел издалека, как разлетались в разные стороны серые волчьи тела с перебитыми хребтами и разорванными внутренностями. Но атака следовала за атакой. Волков было слишком много. Вскоре перевес в битве начал склоняться в сторону наседавших серых разбойников. Медведи явно начинали сдавать. В этот самый миг часть стаи отделилась и бросилась к самой вершине каменного холма, где одноглазый, пребывая в приподнятом расположении духа, в гордом одиночестве продолжал своим зычным голосом праздновать успех.

—Этот старый глупец не отступит и не побежит, умрёт на месте. Да и бежать ему поздно и некуда..., — прошептал чуть слышно вслух Тик...

Когда несколько мгновений спустя юноша ещё раз кинул свой взор в сторону гряды с пещерой, то увидел сверху и снизу два серых пятна. Всё было кончено. Бесчисленная стая поглотила и медведей, и пещерного льва, преодолев их сопротивление и, вероятнее всего, сейчас довершала свой кровавый пир, разрывая и растаскивая на куски шкуры и мышцы тех, кто в обычных условиях сам только одним своим появлением наводил на них врождённый панический страх. На какое-то мгновение Тику стало даже жалко храброго одноглазого, не отступавшего перед откровенной смертельной опасностью. Но забивать себе этим голову было совершенно некогда. Надо было упорно двигаться вперёд. Надо было бежать от ледника, постоянно пытающегося поглотить всё живое на своём пути.

По мере того, как люди племени артуков всё дальше и дальше удалялись от своего недавнего жилья, оба языка ледника сближались друг с другом примерно с такой же скоростью и вскоре должны были наглухо закрыть пространство, пока ещё до сих пор разъединяющее их. А так как это свободное между ними пространство являлось, пожалуй, единственным коридором, по которому двигалось, спасаясь от снежных, ледяных ловушек и торосов всё живое, то Тик содрогнулся от одной только мысли, что произойдёт с не успевшими выбраться вовремя на открытое пространство из объятий гигантских ледяных ножиц животными, а может быть и другими людьми, когда эти ножицы с грохотом сомкнутся... Не успел он ещё это толком осмыслить, как за его спиной раздался всепоглощающий грохот и треск. Огромная ледяная ловушка сомкнулась. В месте смыкания, достаточно далеко от себя, он и другие его соплеменники увидели зажатую у основания шеи бурую голову мамонта с огромными кривыми бивнями. Тику даже показалось, что он разглядел большие глаза исполина тундры и лесостепи, в которых в момент безжалостной смерти застыл неподдельный, настоящий животный ужас. Большая лужа горячей крови зверя впитывалась в снежный и ледяной покров, как дождевая вода в иссохшую почву.

Наверное, это был вожак, — вполголоса разговаривал сам с собою Тик.

Он не успел покинуть коридор между льдами. Погубил себя и погубил всё стадо...

Вдруг, совсем рядом, юноша услышал яростное рычание хищников. Тик поднял глаза чуть выше и увидел правее маршрута, по которому шло его племя, бурую шерстяную гору. Этой горой была почти бездыханная туша мамонта. Очевидно, зверь провалился в снежную яму-ловушку и не сумел из неё выбраться. По тому, как была вокруг него взрыхлена снежная масса и притоптан грунт столбовыми ногами других его сородичей, было понятно, что другие слоны неоднократно пытались вызволить из этой ямы своего собрата. Обессиленные долгим переходом, мамонты не смогли оказать ему достойную помощь и ушли, покинув его. Теперь этот некогда могучий исполин стоял до половины тела, если не больше, погружённый в рыхлую снежно-ледяную зыбь и умирал медленной мучительной смертью, всё больше в неё погружаясь, не в силах чего-либо изменить. На его покрытой снегом спине восседали два самых могучих хищника – саблезубый тигр и первобытный лев. Тик видел, что оба они являлись крупными матёрыми самцами. Лев располагался рядом с головой, а саблезубый у конца крупы. Каждый из них уже определил для себя на занимаемом участке тела слона наиболее лакомое место и с наслаждением, выплёвывая из пасти бурую шерсть, питался его мясом и пил кровь. Они посматривали друг на друга сверлящим ненавидящим взором. Но избыток лёгкой добычи сдерживал их врождённую друг против друга смертоносную агрессию. Вдруг тигру показалось, что у льва кусок послаще, и, улучив момент, он прыгнул на своего исконного врага, пытаясь одним махом своих клыков решить исход поединка в свою пользу. Неожиданность нападения принесла тигру определённую выгоду. Он крепко поранил льва чуть ниже шеи, но последний каким-то образом освободился из тигриных объятий и ответил тем, что распорол когтями своему обидчику брюхо. На крупе мамонта завязалась схватка с явно смертельным исходом...

Когда племя уже почти миновало этого мамонта, заживо пожираемого хищниками, в последствие затеявшими смертельную драку, Тик заметил, как из видимого ему слоновьего глаза прокатилась слеза. Тщетно животное из последних сил пыталось хоботом зацепить и сбросить с себя хищников. Все попытки были неудачными. Однако более чем неестественной развязки гибели одной из кошек ждать пришлось недолго. И пришла эта гибель совершенно с другой стороны. Разрезая бело-серую мглу на зов умирающего собрата, совершенно неожиданно у его полупогребённого тела возникла исполинская фигура другого мамонта. Быстро разобравшись в ситуации, слон схватил одну из дерущихся кошек за круп хоботом и, высоко подняв её над собой, с силой бросил себе под ноги. Потом очень быстро пару раз он наступил на тигра в области грудины так, что кости хищника во множестве вылезли сквозь тело, челюсть зверя лопнула, глаза вылезли из орбит и язык вывалился из изуродованной пасти. С саблезубом было покончено. Изрядно пострадавший в схватке с тигром первобытный лев и опешивший от неожиданного появления здорового слона, замешкался на крупе погибающего животного. Когда хищнику, разгорячённое кровью и дракой, сознание вернуло потребность к действию, то было уже поздно. Не успел он спрыгнуть с мамонта, чтобы пуститься в откровенное бегство, как второй мамонт успел зацепить его за хвост, поднять вверх и со всего маху грохнуть льва себе под ноги. Спустя несколько мгновений мёртвый первобытный лев, как две капли воды, был похож на своего извечного врага – саблезубого тигра. Слон, между тем, немного успокоившись, вновь подошёл к своему собрату.

Он неторопливо обнюхал погибающего. Затем он отошёл на несколько шагов назад, набрал ускорение и, сблизившись с погибающим, ударил его в шею одним из бивней, имевшим в отличие от другого достаточно прямую форму. Его шерстяной брат окончательно перестал сопеть и навсегда закрыл глаза, оповещая всех тем самым о конце своих мучений. Здоровый слон вынул из шеи трупа свой бивень, нежно положил ему на голову хобот, немного помедлил и побрёл туда, откуда так внезапно появился. Артуки настороженно и внимательно по ходу наблюдали за всем происходящим...

Под человеческими стопами хрустел недружелюбный холодный снег. Время от времени ступая на припорошенные снежной крошкой ледяные камни, люди разрезали свою незамыс-

ловатую примитивную обувь, рая при этом порезами и кровавыми уколами ноги. Поэтому маршрут, которым вслед за мамонтами, бизонами, зубрами, оленями и другими травоядными шли артуки был, в прямом смысле, прочерчен свежей кровью. Если травоядные, шарахавшиеся во все стороны от запаха крови двуногих, с опаской на полном ходу обгоняли не таких быстрых как они сами людей, то отдельные из хищников, выстроившиеся сменяющейся поочередно вереницей и полумесяцем следовали по кровавому следу племени, подогреваемые надеждой, что кто-то из двуногих упадет, обессилив замертво. И хотя их надеждам больше не суждено было сбыться, их упорству в настойчивом преследовании возможной жертвы мог бы позавидовать сын Зубра и Рыжий Саблезуб – лучшие из мужчин племени.

Лишь однажды была предпринята атака на людей во время движения. Старый тигр, неправильно оценив свои возможности и силу воинов племени, попытался прорвать оборону защитного кольца артуков. В ответ на эту попытку на него осыпался такой неистовый шквал ударов палиц, копий и топоров, что большой полосатый кот остался издыхать на том самом месте, где он решил на опрометчивое для себя нападение на людей.

Неправильно принятое зверем решение в расчёте на лёгкую добычу привело его к быстрой гибели. Волчья стая, будучи не очень голодной, брезгливо обогнула с двух сторон бездыханное, тёплое тело ещё совсем недавно опасного и грозного хищника. И только шакалы с дикими собаками, давно имевшие пустые желудки, с жадностью набросились на труп того, перед кем живым испытывали панический страх и не смели открыто смотреть в глаза. Тик слышал, как за его спиной раздавался их затухающий омерзительный лай и визг.

– Делят между собой добычу. Ещё чуть-чуть и перегрызут друг другу глотки из-за зловонного мяса мёртвого тигра, – прошептал юноша посиневшими от холода губами.

Раскаты и грохот за спинойдвигающихся льдов начинали понемногу затухать. Очевидно, ледник устал и решил сделать себе передышку перед очередным броском на покорение новых просторов. Животные и люди устали не меньше. Стада травоядных, порядком обессиленные, продвигались молча, не оглашая просторов заснеженной природы своими голосами. Было видно, как тяжело дыша, вздымались их бока и покачивались от усталости из стороны в сторону их бесчисленные тела. Артуки выглядели не лучше. Глаза, брови, уши и другие свободные от одежды участки тела были покрыты снегом. Усталость буквально валила людей с ног, но каким-то невероятным усилием воли они заставляли себя держаться на ногах и продолжать двигаться вперёд, ступая на одеревенелые, истёртые в кровь нижние конечности. Племя шло без единого звука. Каждое произнесённое слово требовало дополнительных усилий, а силы надо было экономить. Поэтому люди и шли молча. Был только слышен свист от кружащей снежной позёмки, да тревожный вой пронизывающего рваного ветра.

Светлое время дня понемногу стало убывать, уступая бразды правления надвигающемуся вечеру.

Тик видел, как в нескольких локтях от него проследовала чета пещерных львов, не обращая абсолютно никакого внимания на людей. Самка шла впереди и несла в своей пасти, нежно держа за холку клыками детёныша, сплошь покрытого снежной коркой. Она взволнованно оглядывалась по сторонам, словно пытаясь на свою удачу обнаружить на открытой голой местности хоть какое-то естественное укрытие, где можно было бы обогреть и накормить продрогшего до самых костей и едва подающего признаки жизни детёныша. Беспokoйно рыкая, по её следам следовал и лев-самец. По первому же взгляду на облепленного снегом львиного малыша, Тику стало понятно, что тот уже не жилец, что последующие попытки его родителей вернуть своё дитя к жизни не дадут желаемого результата...

Когда артуки прошли ещё несколько сот локтей, уже подыскивая себе место для ночной стоянки, Тик разглядел в наступающей темноте поваленное дерево и огромную тушу какого-то животного, нервно фыркающего и всем своим поведением выразившим состояние отчаянного беспокойства. Поравнявшись на одной линии с деревом и животным, сын Хитрого Енота узнал

в звере носорога, который кружил вокруг дерева и проделывал непонятные для людей движения головой. Вглядевшись в силуэт дерева, Тик рассмотрел среди его ветвей маленького носорожика, который каким-то непонятным образом оказался запертым среди многочисленных его ветвей, погружённых в снег. Детёныш был жив и временами ревел как резанный, желая поскорее соединиться со своей лохматой мамашей. Ему несказанно повезло. Упавшее от разыгравшейся стихии старое прогнившее дерево хоть и накрыло его, но не проткнуло сухими ветками насквозь молочную детскую плоть. Приложив ещё несколько усилий, его мамаша достигла намеченной цели, сломав сопротивление веток. Дитя освободилось в одно мгновение, с радостным сопением соединилось со своей матерью, спрятавшись у неё под ногами. Произошло это событие, как нельзя кстати, так как кое-кто из хищников уже начал обращать внимание на происходящую у дерева сцену.

–Остановимся здесь. Разведём огонь, – устало произнёс вождь.

–Утром следующего дня вновь двинемся вслед за мамонтами и зубрами по их тропе.

Вождь подал сигнал остановиться и повелительным жестом в знак этого поднял правую руку. Место для стоянки было выбрано специально рядом с группой сухих деревьев, которые должны были без особых усилий послужить добротной пищей ночному огню.

Женщины под охраной воинов разложили на снегу нехитрый скарб человека поздней плейстаценовой эпохи, расстелили шкуры похуже, а более тёплыми и новыми укрыли, промёрзших до самых кончиков пальцев, примолкших от голода и изнурительного первого перехода, детей. Часть мужчин пошла валить для исходного очага остовы старых деревьев. Вскоре на месте вынужденной стоянки запылал огонь. Затем совсем стало темно на небосводе. Травоядные и хищники, равно одинаково измотанные долгим ходом, расположились на снегу под тёмным вечерним покрывалом на покой.

Люди были голодны, и потому вождь артуков выделил для добывания мяса несколько опытных охотников во главе с Рыжим Саблезубом. Пройдя несколько десятков шагов в темноте, охотники наткнулись на одиноко лежащую тушу бизона, издававшую довольное мурлыканье и жадное чавканье. Крепче стиснув в руках палицы и подняв копьё наперевес, по скрипучему, снежному насту артуки вплотную приблизились к туше быка. Единственный факел в руках Рыжего Саблезуба из крупной суховатой ветки выхватил из темноты и саму тушу и того, кто так жадно поглощал её.

Перед охотниками предстал зверь кошачьей породы, чем-то очень похожий на леопарда, но более крупный с белой, как снег, густой шкурой и янтарно-розовыми глазами. Охотники впервые видели подобного хищника. Снежный барс первобытной эпохи, почувствовав угрозу, стремительно бросился в темноту, оставив свою трапезу. Никто из людей не стал преследовать красавца. По-хозяйски расположившись возле мёртвого бизона, люди отделили от его туши при помощи топоров, ножей и скребков достаточное количество мяса и вскоре без приключений были вновь у очага ночной стоянки племени.

Спустя некоторое время племя, расположившееся вокруг трёх больших костров, утоляло свой голод – вечного спутника доисторического человека. Мерцающие на ночном фиолетовом небе звёзды освещали бледным тусклым светом холодную снежную равнину, покрытую большими чёрными пятнами. То были стада травоядных, находящиеся совсем рядом с первобытными людьми на ночлеге. Утром им так же, как и представителям людского племени, предстоял очередной долгий изнурительный переход в поисках открытых и свободных от снега пространств и богатых пастбищ. Темноту ночи и её относительный покой время от времени разрывал предсмертный крик, издаваемый каким-нибудь животным, ставшим жертвой ночного нападения хищников.

Сын Зубра подошёл к Рыжему Саблезубу и, тяжело вздохнув, тихо сказал ему:

–Завтрашний переход будет не менее трудным и опасным. С рассветом надо будет запастись остатками бизоньей туши, пока волки медведи и другие хищники не обнаружили её.

Артуки пойдут за мамонтами до границы снега и льда, пойдут ещё дальше, если это будет нужно...

Тик, измождённый усталостью, сладко спал, укрытый медвежьими шкурами. Он не слышал, о чём говорили вождь и первый охотник племени. Но перед тем, как заснуть, юноша вдруг отчётливо вспомнил, что в течение всего прошедшего дня он не видел привычного яркого солнца, не ощущал на себе теплоты его лучей. Через грозное, неуютное, заснеженное небо он видел только поблёкшую, расплывчатую тень того, что называлось светилом... «Неужели так теперь будет всегда?» – подумалось ему в преддверии наступающего пробуждения. «Нет, так не должно быть...», – прошептал он и вновь растворился в тревожном сне.

Западня

Группа охотников, состоящая из трёх молодых людей, не спеша продвигалась по снежному покрывалу редколесья. Снега за тёмное время суток выпало более, чем достаточно, и сейчас, под утро, он охотно скрипел на морозе под ступнями людей, жадно забиваясь в естественные зазоры между примитивной кожаной обувью первобытных людей и их ногами.

Дойдя до границы небольшого лесного участка, люди остановились. Один из них, что был старше и выше ростом, осторожно раздвинул густые лапы елей и выглянул наружу, за пределы редколесья. Взору охотников предстала большая, белая равнина, на теле которой в беспорядке были разбросаны холмы различной величины. Осторожно ступая по достаточно глубокому снегу и постоянно оглядываясь по сторонам, люди молча без единого звука начали своё продвижение вперёд, к центру этой равнины. Сжимая в натруженных охотничьих руках палицы и копья, они продвигались по маршруту, который был проложен и отмечен приметами, известными только им самим.

Спустя некоторое время первобытные охотники подошли к месту, которое образовывало невидимый квадрат с небольшими кучами камней в основании каждого из углов. Всё тот же человек, опустив на снег своё охотничье снаряжение, разогнулся и поднял вверх правую руку, подавая тем самым своим спутникам знак остановиться. Люди молча повиновались. Все трое стали медленно огибать края квадрата, запорошенного снегом. В центре этого квадрата, который, судя по осторожному поведению людей, служил ловушкой на средних и крупных животных, зияла большая тёмная дыра. Наличие отверстия и пар, исходивший из этой дыры, говорили о том, что какое-то животное не так давно угодило в гигантскую мышеловку искусственного происхождения и к сегодняшнему утру было ещё живо. Ещё раз оглядевшись вокруг и не обнаружив зрительно присутствия живых существ, а также каких-либо свежих следов животных или людей другого племени, охотники сосредоточились в одном месте, где расстояние от твёрдого, запорошенного снегом грунта до пролома в скрытой ловушке было самым коротким. Опустившись на корточки, охотники осторожно стали расчищать замаскированный под твёрдый грунт потолок охотничьей ямы, состоящий из переплетённых между собой и связанных сыромятными ремнями молодых елей, сосен, берёз, других растений, щедро покрытых сверху густыми ветками хвойных деревьев. В целом вся эта конструкция была достаточно прочна, за исключением, пожалуй, места откровенного провала. Растопырив руки и ноги в стороны и плавно прильнув грудью к деревянному перекрытию ямы, старший группы, осторожно вынимая из древесных сплетений ветку за веткой, всё ближе продвигался к отгадке охотничьего улова...

Сама яма-ловушка была шириной в два человеческих роста, длиной в четыре и, примерно, в два с половиной глубиной с почти отвесными стенами. Так что зверь, сподобившийся попасться в неё, был обречён на гибель без всяких сомнений. Ни мамонт, ни носорог или в противовес какой-либо другой крупный хищник самостоятельно выбраться из неё был не в состоянии.

По мере того, как убывала хвоя, скрывавшая охотников от их добычи, нарастало внутреннее напряжение в телах первобытных людей и скрытая готовность к любой непредвиденной ситуации. На памяти у охотников были примеры, когда неосторожное поведение и временное отсутствие под рукой копья, палицы приводили к гибели незадачливых соплеменников. В подобные моменты охотники сами довольно часто становились жертвой предполагаемой добычи. Но сейчас осторожность была соблюдена. Предстояло только в достаточной мере расчистить древесные сплетения от хвойных лап.

Наконец, окно для обзора дна ямы стало внушительным для полного её осмотра. Человек совсем близко прильнул к древесному потолку и, напрягая зрение, стал внимательно всматриваться в темноту ловушки, пытаясь разглядеть её содержимое. Густой, спёртый запах крови дошёл до обоняния первобытного охотника. Он с трудом различил на дне ямы неподвижное тело длинношёрстого носорога-подростка. Скорее всего, зверь погиб при падении, переломав свои конечности, хребет, или просто напоролся, упав на острые, врытые в землю массивные заострённые смертоносные колья. Охотнику стало интересно, как такой несмышлёныш опрометчиво приблизился к самому краю ямы, да ещё и умудрился рухнуть в неё по самому центру. Вероятнее всего, подумал человек, кто-то преследовал молодого носорога, предварительно отделив его от родителей – самки или самца... И этот кое-кто предстал внимательному взору охотника. Он увидел левее туши носорога-подростка и его холодный, неприкрытый яростный взгляд больших изумрудных глаз, сверлящих непрошеного гостя, что находился над ним. Охотник сразу понял, что именно от дыхания хищника и поднимался лёгкий тёплый пар. Что это был за зверь, навскидку определить было просто невозможно. Холодный, морозный воздух и безветрие не выдавали тайну запаха животного. Ясно было одно, что хищник, попавший в западню – крупная особь. Сделав пол-оборота в сторону своих соплеменников, охотник жестами попросил их подать ему пару камней. Когда камни оказались у него в руках, он сделал первый ложный замах в сторону горящих глаз зверя, но последний не нарушил своего молчания, скрыв в темноте ямы от охотника главное, – с кем тот имеет дело. Тогда человек всерьёз решился воплотить свои намерения и швырнул в угол ловушки один из камней. Кусок породы ударился об тело скрытого темнотой существа, которое со скоростью молнии и с ужасным рычанием метнулось вверх, навстречу своему двуногому обидчику. Инстинктивно отпрянув всем телом назад, охотник только и успел разглядеть огромные клыки в открытой пасти, искажённой злобной гримасой морды зверя и его быстро промелькнувший оранжево-чёрный круп. Сомнений теперь в отношении того, с кем они имеют дело, у человека не было. В ловушке вместе с молодым носорогом оказался старейший во времени на памяти первобытных людей их смертоносный враг – саблезубый тигр.

Медленно вернувшись за край ямы, старший охотник рассказал и пояснил всё им увиденное своим соплеменникам. Скорее всего, тигру удалось оттеснить молодого носорога от одного или двух родителей и, преследуя в пылу азарта свою добычу, влекомый только одним его запахом, он так же, как и носорог, со всего маху, на полном ходу угодил в охотничью яму-западню. Без труда добравшись в ней до своей добычи и утолив голод, саблезуб устроился здесь на ночлег, особенно не задумываясь о том, как он будет выбираться из западни буквально в ближайшее время. Голод ослепил все чувства хищника, в том числе и врождённую осторожность. Люди давно не навевались к ловушке, и их запах до времени не беспокоил ещё недавно дремавшего сытого тигра.

Охотники без особых усилий могли лишиться жизни крупную хищную кошку, оказавшуюся в западне ими же сооружённой. Но для этого им пришлось бы изрядно потрудиться. Кроме всего прочего, их явно было слишком мало, чтобы доставить столь громоздкую добычу и охотничий трофей к родному очагу. Поэтому они приняли другое решение, показавшееся им более верным, а именно, отправились вновь к месту стоянки своих соплеменников, чтобы в большем составе вернуться к ловушке, без особого труда и риска убить могучего хищника и

совместными усилиями поднять на поверхность охотничий трофей и крупную добычу носорога-подростка. Пройдя несколько сотен локтей, первобытные люди различили сквозь падающие снежные хлопья неясную фигуру какого-то большого зверя, который явно двигался им навстречу. Люди приостановили своё продвижение, настороженно вглядываясь в быстро приближающийся живой предмет. Когда расстояние между ними и двигающейся живой массой составило чуть больше трёх сотен локтей, охотники узнали в большом звере длинношёрстного носорога. Животное полностью оправдывало свое название, так как всё его огромное тело и внушительных размеров голова были покрыты густой тёмной шерстью. Только низ его столбообразных ног, маленькие свирепые глаза, да два огромные рога на морде, особенно передний, были свободны от волосяного покрова. Определив своим слеповатым зрением наличие живых предметов, возникших перед ним, животное решило узнать, какую пищу употребляют двуногие существа. Для этого носорог задрал вверх свою увесистую морду и с шумом мощно втянул в себя ноздрями поток холодного снежного воздуха, исходящий ему навстречу от трёх незнакомых фигурок двуногих существ... Во время всего этого действия со стороны крупного травоядного люди пребывали в состоянии короткого оцепенения, не зная, что они должны были предпринять в сложившейся ситуации. Перед охотниками, по их разумению, был ограниченный выбор решений: принять бой, если огромный пожиратель ягеля и жухлой травы бросится на них, броситься сразу же врассыпную, или поступить иначе ещё каким-то образом. Наспех посоветовавшись, первобытные охотники приняли решение дружно бежать в обратном направлении, в сторону охотничьей ямы-ловушки. По их общему мнению это было единственно правильным решением, дающим надежду остаться в живых, не принимая тяжёлого, почти безнадежного боя с волосатым гигантом и не подставляя оголённые спины свои под его здоровенные ноги-столбы при бегстве врассыпную... Животное уже почти настигло людей, когда они, не сбавляя скорости бега, под самым носом у носорога резко ретировались в разные стороны. Травоядный гигант, увлекаемый массой своего грузного тела, словно подрубленное дерево, со всего разгоряченного хода рухнул на дно ямы-ловушки, провалив под собой оставшееся нетронутым до поры остальное перекрытие западни. Падение травоядного колоса сопровождалось хрустом ломаемых костей его могучего тела и хриплым, прерывистым дыханием зверя, пораженного острыми колющими-убийцами. Свалившийся в охотничью западню, носорог практически закрыл всё её пространство своим телом, не оставив тем самым ни единого шанса на выживание остававшемуся до сих пор живым в ней саблезубому тигру. Последний не успел даже зарычать, когда огромная туша травоядного неожиданно рухнула на него сверху, ломая хищную кошку, беспощадно выдавливая ей внутренности...

Когда всё было кончено, люди, не торопясь, собрались у края западни. Их разгоряченные тела и неровное дыхание, суровые сосредоточенные лица выдавали то нервное напряжение, в котором находились первобытные охотники. Твёрдо сжимая копыта обветренными мозолистыми руками, люди молча смотрели на дно охотничьей ловушки, где покоились три бездыханных тела – саблезубого тигра и двух носорогов, старший и крупнейший из которых был особью женского пола и являлся матерью своему молодому отпрыску.

Окончательно переведа дух и внимательно, в который уже раз, оглядев всю ближайшую заснеженную окрестность, первобытные люди всё так же аккуратно, из чего только было можно, закрыли ловушку и неторопливо, держа в руках свои копыта и дубовые комели, отправились в сторону родного становища. Путь не должен быть долгим, но и не будет лёгким. Людям надо было во что бы то ни стало добраться до родного племени до наступления сумерек. Убойного мяса в охотничьей западне-ловушке было более, чем предостаточно, и надо было только своевременно забрать его оттуда, пока другие хищные звери не обнаружили это место и не позаботились о содержимом ямы. Сейчас шансов урвать безнаказанно кусок-другой мяса было в избытке, так как яма из трёх тел стала значительно мельче. Выбраться из неё для крупного зверя было теперь делом не самым сложным. Вред же, в случае обнаружения западни хищными

зверьями – тиграми, медведями и львами, мог быть для племени охотников невосполнимым. Именно поэтому первобытные люди торопились назад, в родное стойбище, к очагу изо всех сил, чтобы успеть, пусть даже в ночь, большими силами с живительной искрой огня и хвоста вернуться к яме, наполовину набитой свежим носорожьим мясом. Кроме всего прочего, там, в ловушке, их ждал превосходный охотничий трофей – шкура, когти и клыки практически давно вымершего вида крупных хищных кошек – саблезубого тигра.

Ночи в шкуре первобытного льва

Довольно часто, закрывая по ночам глаза и погружаясь в состояние сна, я оказывался в совершенно другом измерении, не имеющем ничего общего с реалиями современной жизни. Эти сны, сформированные из отдельных и непродолжительных видений, и навели меня на мысль собрать и соединить воедино всё то, что происходило со мной, и кем я становился во временной прострации и часто повторяющимися по содержанию и духу снами.

Ночь первая:

Я лежу на краю утёса, под которым простирается бескрайняя равнина, едва озарённая лунным светом. Равнина спит. Лишь изредка она вздыхает и вздрагивает во сне, когда где-то на ней раздаются отдельные голоса тех, кому по природе своей суждено бодрствовать в ночные часы, чтобы выжить до следующего восхода солнца или же, наоборот, чтобы утолить свой голод под покровом ночи.

Бледно-серебристой извивающейся струйкой по равнине медленно сочится полноводная река, подобная вскрытой артерии травоядного. С обеих сторон этой артерии, как правило, и происходят все важнейшие события, связанные с жизнью и смертью живых существ нашей равнины. Ведь всё живое тянется к воде, что, впрочем, и не удивительно само по себе. Основным источником опасности для животных здесь, на воде, является жестокий и беспощадный большой и скользкий Крок. От его коварных и незаметных движений в реке и последующих выпадов огромной, усеянной зубами пасти, мощных ударов шиповатого хвоста не всегда спасаются даже умные и крупные хищники, начиная с медведей и заканчивая тиграми и львами, не говоря уже о туповатых, хоть и больших травоядных – бизонах, оленях и более мелкой живности. Но я не боюсь Крока. Он мне не конкурент, несмотря на свои потрясающие размеры. Однажды Крок сам пострадал от меня. Правда это произошло не напрямую в схватке между нами, а косвенно, когда будучи чёртовски голодным, я прогуливался прохладным вечером вдоль берега реки. Поравнявшись с плёсом песчаной косы, я увидел беззаботно дремавшего на ней соплеменника большого Крока – Крока поменьше, и сразу же бросился к нему... О цели своей столь бурной спешки к последнему, я полагаю, Вы догадались сами. Пока бедняга приходил в себя от дрёмы и пытался сообразить, что происходит, я уже был на расстоянии среднего прыжка. Крок-младший только и успел всего-навсего сделать то, что повернул на бок свою уродливую, полуоткрытую пасть в мою сторону и просеменил два, три шага на коротких смешных лапах, волоча брюхом песок в сторону реки, когда я мощно оттолкнувшись от грунта, взмыл вверх и приземлился за его спиной. Остальное, как говорят современные двуногие существа, было делом техники. Перевернув противника, а точнее жертву, мощными лапами на спину брюхом вверх, я легко погрузил в его незащищенное место свою истосковавшуюся от голода по чужой плоти, с Вашего позволения сказать, клыкастую морду. Мой извечный враг и соперник по ночной охоте был ещё жив, когда я бесцеремонно рвал его внутренности и жадно поглощал их. Так закончилась моя первая стычка с одним из большого семейства Кроков.

Смею Вас уверить, что я не так кровожаден, как кажется. Чужой свежей крови и плоти я так же, как и Вы, хочу лишь в крайних случаях, когда этого требует мой желудок, одолеваемый чувством голода... Ну да ладно, хватит, что это я всё о Кроке и его соплеменниках? Пора познакомить Вас и с самим собой.

Я – молодая особь кошачьей породы мужского пола, значительно, почти вдвое крупнее обычного льва или тигра. У меня большие, круглые глаза изумрудного янтаря, тёмно-коричневая, широкая мочка носа и на этом же самом лице, возможно с Вашей точки зрения – морде, на обеих челюстях превосходные огромные, белые клыки и острые резцы внушительных размеров, не уступающие по величине и аналогам моего врага – саблезубого тигра. Кроме всего прочего я имею пышные усы белесого цвета, подобно нитям капрона, и что самое главное, густую, буро-красную, переходящую в чёрно-синий цвет возле холки, гриву. Окрас туловища – жёлто-бежевый. Обладаю отличным зрением, исключительным обонянием, слухом, а главное, врождённой осторожностью, особенно ко всему новому и неизвестному, свойственной хищникам. Своей главной боевой мощью считаю клыки, упругий, гибкий торс с четырьмя большими и смертельно вооружёнными лапами с втягивающимися когтями... Собратья поменьше – львы, тигры, леопарды и даже гиганты здешних мест – пещерные медведи, поглядывая на мой короткий с кисточкой хвост и тёмное подбрюшье, считают меня первобытным львом-великаном. Мне, конечно, льстит их мнение. Но сам я об этом, правда, ничего не могу сказать. Таков вкратце мой автопортрет.

На исходе сегодняшнего дня я подкараулил и убил крупное животное – длиннорогого бизона. Его горячая кровь и плоть подкрепили мои силы, наполнив тело новой энергией. Широко открыв пасть, я несколько раз умиротворенно зевнул и, довольно рыкнув, отправился отдыхать в свою пещеру, чёрная брешь которой, словно опознавательный знак, зияла за моей спиной в разломе горной породы, пока я для Вас предавался первым воспоминаниям и описанию своей легко запоминающейся внешности. Пройдёт какое-то время и, возможно, я познакомлю Вас с моим нехитрым жилищем. Многие до меня имели, да и имеют сейчас на него виды... Сытый и умиротворенный, я дремал рядом с тушей поверженного мною бизона, согревающей своим присутствием мою звериную душу и сердце перед предстоящим рождением нового дня...

Ночь вторая:

Я проснулся под сводами своей пещеры, которая до меня кому только не принадлежала. В своё время, когда я обнаружил её, к собственному удивлению, пустой и, стало быть, не требующей от меня кровавой схватки за право обладать ею с любым другим зверем, в её тёмном лоне в беспорядке валялись кости, черепа и полуистлевшие останки бывших её хозяев и их добычи. При более детальном знакомстве со своим нынешним жилищем среди останков травоядных мною были отысканы из общего завала костей и прочей падали несколько черепов пещерных и серых медведей, пещерных львов и один, раздавленный скалой и временем, череп саблезуба, спутать который, пожалуй, как и всё остальное, найденное в пещере, я не мог ни с чем. Если медведи и пещерные львы были в нашу эпоху извечными соперниками за право пальмы первенства на подобное жильё и не вызывали по этому поводу в моём зверином сознании никаких эмоций, то саблезубый тигр, напротив, здесь стоял особняком... Ох уж мне этот саблезуб... При одном только воспоминании о нём лицо моё, извините – морда, искажалось яростным оскалом и гримасой врожденной ненависти и злобы. Сегодня, когда мы – первобытные львы, являясь самыми крупными представителями своего кошачьего семейства, доживаем отведённую нам недолгую эпоху, эти рыжие чудовища ещё встречаются на просторах нашей, в том числе и моей равнины. Вот и в настоящее время один из них, судя по отпечаткам лап – матёрый самец, постоянно кружится возле моего логова. Несколько раз он пытался совершить одну из своих попыток – накрыть меня своим прыжком сверху, с крыши моего логова, но всякий раз его старания были тщетными. Я с моим врожденным инстинктом осторожности всегда предугадывал моменты возможного нападения, резко выпрыгивая из-под сводов пещеры на открытое пространство, упреждая тем самым коварный прыжок тигра сзади на спину. Часто присутствие саблезуба рядом с моим жилищем выдавал резкий порыв ветра, менявшего своё направление. Заходить в пещеру в моём присутствии саблезуб не решался. Видимо, несмотря

на свою мощь и дерзость, он не был до конца уверен в своей победе. Тигр прекрасно сознавал, что я тоже являюсь хищником родственной ему породы, что я крупнее его и не хуже вооружён. Также прекрасно осознавал я, что рано или поздно наступит тот день и час, когда наши могучие первобытные тела шибутся на встречах прыжках и сольются единым кровавым клубком, из которого выйти живым суждено будет только одному. Уцелевший и будет обладать пещерой. Один, а это – я, будет отстаивать своё право, а другой – это он, пытаться у меня это право отобрать. Пощады в этой схватке проигравшему не будет. При одной только мысли об этом мой загривок встал дыбом, пасть полуоткрылась, глаза налились кровью, по могучему телу пробежала лёгкая нервная дрожь.

Первые солнечные лучи робко проникли в моё жилище, возвестив о том, что ночь, а затем и рассвет, сменились началом нового дня. Мрачные мысли ушли прочь и, зевнув, я с удовольствием вытянулся всем своим телом, разминая ещё не проснувшиеся его члены. Сделав несколько ленивых шагов в сторону выхода из пещеры, я оказался ослеплённым солнечными лучами и оглушительным радостным щебетаньем птиц. Летний ветерок легко и нежно раздувал в разные стороны мою слежавшуюся за ночь гриву. Я, задрав, если так можно выразиться, морду вверх, издал зычный рык, что было силы, оповестив окружающих травоядных и всех остальных живых существ, что хозяин пещеры и утёса уже бодрствует. Опустив голову вниз и сделав пару шагов к вчерашней добыче, я, к своей досаде, вновь обнаружил у туши бизона следы четы леопардов, а также отпечатки их лап и клыков на теле бизона. Эта парочка уже порядком мне поднадоела. Когда их дневная или ночная охота была неудачной, то оба леопарда украдкой, с подветренной стороны подбиралась к моему жилищу с надеждой поймать здесь хоть какой-то кусок мяса. Зачастую их вылазки оканчивались успешно, и они уносили с собой куски лосятины, кабана, оленя, лани, а иногда и мясо бурого лесного медведя. Но сегодня я решил положить конец их нахальным воровским бесчинствам и наказать наглецов за назойливость. Мне достаточно было одного опасного врага – саблезубого тигра. Я считал непрошенные вылазки леопардов к моей пещере неоправданным вызовом с их стороны и твёрдо решил наказать их обоих. Пусть этот урок послужит примером всем остальным моим собратьям, пожелавшим самовольно полакомиться у моего стола. Таковых, правда, не было, за исключением этой пары, поскольку ни тигры, ни львы не имели особого удовольствия посещать помеченную мной территорию, а тем более, самого логова. Обе группы этих кошек относились ко мне с почтением, лишь изредка сопровождая меня по маршрутам следования на охоту и обратно, при этом никогда они не ставили свои лапы в отпечатки лап моих, боясь моего царственного гнева.

Спустившись вальяжной походкой со своего утёса, я направился по следам пятнистых воришек сквозь ряды кустарников и отдельные группы деревьев в сторону цветущей долины. Леопардов могло спасти только большое ветвистое дерево, укрывшись в зелёной кроне которого от посторонних глаз, им довелось бы провести достаточное время, пока само ожидание расплаты с ними не утомило бы меня.

Ночь третья:

... Точно не вспомню, как быстро я оказался на равнине, но твёрдо знал одно – я ищу молодую чету назойливых леопардов, бесцеремонно позволяющих себе втихаря воровать мясо от моей добычи. Во время неторопливого и тщательного обследования я, как можно легче ступая на траву и оголённую почву, осторожно заглядывая под каждый куст, обследовал острым обонянием каждое густое дерево, исследовал каждую расселину в нагромождении больших гранитных валунов. Но удача не благоволила мне. В ходе поисков я несколько раз пересекал охотничьи тропы больших и малых хищных кошек и чуть было не столкнулся лицом к лицу с пещерным медведем, который завидев меня первым, поспешил в срочном порядке ретироваться в противоположном направлении. О моём присутствии травоядные узнавали заранее, оповещаемые встревоженным криком различных пернатых, да едким специфическим запахом, характерным для большой, хищной кошки. В мои планы не входила охота, ведь запаса пищи,

оставленной у входа в пещеру, должно было хватить ещё не на одну ночь и день. Правда, место у моего логова в моё отсутствие мог навестить рыжий саблезуб. Но сейчас я гнал прочь от себя эти мысли. Уже играючи занимаясь поисками парочки пятнистых кошек, я продолжал царственно продвигаться всё дальше в благоухающую жизнью долину. Свежий ветер ласкал моё могучее четверолапое тело, прятался в распушённой им лёгкой гриве, внезапно исчезал и вновь так же внезапно и весело возвращался. Я был молод, упругие мышцы мои были полны чудовищной силы. Осознание этого наполняло меня неподдельной гордостью, и я, что было силы, направлял в долину свой всем хорошо известный рык. По обе стороны от меня стада оленей, косуль, бизонов, оставляя примятую траву и шлейф пыли от ударов копыт на голых участках земли, спешили удалиться прочь, исчезая в редколесье. И только встречаемые небольшими группами тупорылые крупные двурогие носороги с их маленькими и вечно злобными невыразительными глазами были безучастны к моему шествию по равнине. Редкая трубная переключка истинных исполинов равнины – бежево-серых слонов также оповещала меня об их безразличии к моему присутствию. Легко и быстро добравшись до реки, я спустился к ней в самом пологом месте, чтобы напиться. Жадно лакая языком тёмную, прохладную воду реки, я неожиданно подсознательно вспомнил, что совсем недавно, где-то здесь я разорвал в клочья младшего брата ужасного Крока. Как оказалось впоследствии, вспомнил я об этом эпизоде, как нельзя вовремя. Утолив жажду и едва приподняв голову над водной гладью, я увидел, как с огромной скоростью на меня движется узко направленный столб воды, управляемый здоровенным бревном. То, что этим бревном был не кто иной, как сам Крок, не вызывало никаких сомнений. Резко отскочив в сторону на почтительное расстояние, я напрягся и беззвучно оскалился, нервно подергивая кисточкой хвоста. Крок протаранил приводную границу песка своей безобразной длинной зубастой мордой и застыл на отмели недвижимый. Его крупные ядовито-жёлтые глаза с нескрываемой злобой смотрели на меня. Длиннохвостое чудовище было откровенно раздосадовано тем, что слишком поздно заметило меня и опоздало с подводным броском, позволившем бы ему в случае удачи утащить меня в тёмные глубины реки и там посчитаться со мной за своего младшего брата.

И Крок, и я оба знали, что первый из нас был неуязвим только в водной стихии, и что на суше у него взять надо мной верх не было никаких шансов. Здесь ему мог помочь только удачный случай. Но такой случай ему не представился. После непродолжительного знакомства я, сделав пол-оборота головы в сторону от реки, по пологому берегу направился к равнине, совершенно не заботясь о том, что мой кровный враг попытается догнать меня и атаковать на суше. Крок был достаточно умён и не стал заниматься тем, что было ему не свойственно по своей природе и в чём, естественно, он был не совершенен.

Возвращение к родной пещере проходило без каких-либо приключений. Не найдя леопардов и отложив до следующего случая их неотвратимое наказание, я был несказанно доволен тем, что память и быстрая кошачья реакция позволили мне избежать гибели у реки. День понемногу клонился к закату, животные уже попрятались по своим схрамам, а двуногих существ, племенная эволюция которых ещё только начинала утверждаться, я живьём никогда и в глаза не видел, хотя слухи о их сосуществовании и желании господствовать в нашем обетованном мире уже дошли до долины, принесённые на устах пришлых медведей, львов, тигров и других хищников. Эти двуногие с их языком были самыми кровожадными хищниками. Перед ними пасовали и обращались в бегство даже сами слоны. Пусть это так. Но для меня сегодня всё это ещё далёкое будущее. Сейчас я просто возвращаюсь к себе домой, в родное логово.

Ночь четвёртая:

...До долгожданного утёса с пещерой оставалось совсем немного пути, когда дорогу мне ленивой поступью перешёл дикобраз. Я чуть было не накололся на его острые шипы, растопыренные вокруг тела зверя во все стороны. Если бы это случилось, то судьба моя была бы предрешена не в лучшем смысле этого слова. Спустил ещё какое-то короткое время на пути к

пещере я повстречал своего соседа – длиннотелого, пёстро окрашенного гигантского питона, жившего рядом со мной в одной из трещин базальтовых пород. Большой Змей как-то странно и сочувственно посмотрел на меня своими крохотными немигающими тёмными глазками, едва приподняв над почвой свою плоскую голову. После этого питон, обремененный своими заботами, поспешил удалиться, совершая при этом извивающиеся волнообразные движения. Смутное чувство тревоги закралось в львиное сердце. Внезапная встреча с дикобразом, с его арсеналом разящих острых игл всегда являлась для хищника любого размера дурным предзнаменованием, поскольку могла, в случае контакта с этим животным, привести к непоправимым последствиям. О, сколько я знал крупных кошек, медведей и многих других животных, которые навсегда остались инвалидами, так и не освободившись от обломков его игл, сколько их умерло от голода, утратив возможность полноценной самостоятельной охоты, и сколько поэтому стали жертвами других хищников и падальщиков – пернатых стервятников, гиен, диких собак, шакалов и им подобных... А тут ещё и питон-сосед с его подозрительным взглядом, не сулящим ничего хорошего. Надо бы поторопиться.

Добравшись до утёса, я прильнул всем телом к земле, очень медленно, предельно осторожно стал почти ползком продвигаться вперёд, наверх к основанию выступа этой моей любимой площадки для отдыха после полуденной и после обеденной дрёмы. Незаметно добравшись до основания выступа, я слегка приподнял свою массивную голову и увидел неизбежное, то, чего так не хотел видеть, но в чём никогда не сомневался.

У входа в пещеру, спиной ко мне, на туше бизона вальяжно, словно у себя дома, восседал саблезубый тигр и, неторопливо, кусок за куском поедал мою добычу. В его наглости я никогда

не сомневался. С ней я впервые познакомился, когда тигр начал постоянно посещать не только сопредельные с моим охотничьим угольем территории, но и подходить к самой пещере, часто подниматься на скальные породы, скрывавшие под собой моё жилище, карауля там, наверху, удобный момент для внезапного нападения на меня. И сейчас, глядя на то, как степенно и неторопливо он трудился над добытым мною бизоном, ублажая свою ненасытную утробу, я понял, что это будет последняя наша встреча. Либо он убьёт меня, обеспечив себя долгожданным жилищем, либо его убью я и отстою своё, как считаю исконное право на пещеру.

Первобытный мир жесток и в его особенности не входит наделять населяющие его формы жизни благородными манерами... Глядя на своего заклятого врага, я твёрдо знал, что это мой первый, а может быть и последний, подобный смертельно опасный соперник.

Взвесив буквально всё и уяснив для себя, что тигр меня не видит, и что ветер дует от него на меня, я взгромоздился на утёс, но не так незаметно и бесшумно, как бы этого хотелось: небольшой камень от упора моих задних лап потерял равновесие и, предательски, будя всё на своём пути, шумно покатился вниз под откос. Тигр резко отпрянул от туши бизона и, повернувшись спиной к пещере, предстал передо мной во всей своей первозданной мощи. Его большие, нахальные глаза самодовольно улыбались, взъерошенная дыбом рыжая шерсть и полуоткрытая алая пасть с клыками, подобными клинкам, говорили о том, что он готов к битве со мной. Нас отделяло расстояние двух прыжков, но поскольку я находился ближе к обрыву, и моя позиция была менее предпочтительной, то первым, издав воинственный рык, пошёл в атаку я. ... Два огромных упругих кошачьих тела сшиблись в воздухе над площадкой, пытаюсь ещё над землей как можно больше нанести повреждений и увечий друг другу, вцепившись своими лапами-убийцами во врага и разрывая в клочья ненавистную плоть. При падении на землю наши тела разомкнулись, но спустя считанные мгновения вновь образовали единый разноцветный шерстяной клубок со всех сторон всё больше и больше сочащийся тёмно-бурой и алой кровью...

Тигр, надрывно рыча, постоянно пытался поразить меня в ярёмную вену своими саблевыми клыками. Густая шерсть гривы несколько раз спасала меня от его прицельного удара верхней челюстью. Передние лапы врага стали заметно ослабевать, уступая более молодым и сильным моим борьбу за жизненное пространство. Частые попытки саблезуба дотянуться до моего загривка не приносили ему желаемого успеха. Атаки его ужасной и окровавленной морды постоянно натывались на активную оборону с моей стороны. Всё чаще в голосе тигра проскакивали нотки досады и слепого яростного раздражения. Я же, напротив, дрался молча, сохраняя ритм дыхания. Лишь пару раз я откровенно болезненно рыкнул, когда нестерпимо больно загло над левой лопаткой от его растопыренной лапы, и когда ему едва не удалось продырявить моё подбрюшье своими клыками-кинжалами, лязг от которых и по сей день звенит в моих ушах... Но вот, улучив подходящий момент, я перехитрил саблезуба, при помощи обманного движения накрыв его своим телом сверху. Неимоверным усилием воли и могучего торса, вцепившись клыками в толстую холку тигра у основания черепа, удерживая его лапами, я стал изо всех оставшихся у меня сил сдавливать шейные позвонки врага. Боковым зрением я видел, как тускнел его взгляд. Я чувствовал, что жизненные силы оставляют саблезуба... Спустя несколько мгновений, совершенно беззвучно мы оба рухнули наземь, как подкошенные. То, что мой враг был мёртв, я знал точно, но выживу ли я сам после такой битвы – твёрдой уверенности не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.